

А. Б. АРСЕНЬЕВ

Ниш, Сербия

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ДУБРОВНИКЕ

Если вы ищете рай на земле,
отправляйтесь в Дубровник.

Бернард Шоу

Ключевые слова: Королевство сербов, хорватов и словенцев, Дубровник, русская эмиграция

Вступление: Дубровницкая республика и Россия

Первые сведения о Дубровницкой республике Российский двор получил от путешественников Г. Г. Островского (побывал в Далмации в 1697 г.) и графа П. А. Толстого (посетил Дубровник в 1698 г.)¹. Связи России с Дубровником устанавливаются в первые годы XVIII в., благодаря Савве Лукичу Владиславичу, «графу Рагузинскому» (1667–1738) — влиятельному советнику Петра Великого в проведении балканской политики России. Савва Владиславич являлся одним из инициаторов перевода на русский язык знаменитого произведения Мавра Орбина «Il Regno degli Slavi» (Славянское царство. СПб., 1722). Именно ему дубровницкий поэт, иезуит Игнатий Градич, в 1710 г. отправил в Петербург поэму «План северный, сиречь Песнь в похвалу Московского Величества», в которой он призывает российского царя выступить в поход против турок:

Живи, о славный царь, вовеки,
Живи! Да умножатся твои
Великие доблести и твои славные подвиги!
Живи... всегда победитель и никогда не побежденный;
Доверши твои знаменитые дела поражением змея турецкого!
Жги и руби неверных...
Да задохнутся они в реке своей крови...²

В 1709 г. в Россию были отправлены молодые дубровницкие нобили (дворяне) Иван Тудисич и Йерко Наталич. В том же году сенат поздравляет Петра I с победой в Полтавской битве. Послание содержало и такую фразу: «Отдаленные от Тебя пространственно, мы и наш народ весьма близки к Твоему царству и общностью наших языков»³. В 1711 г. Петр I направляет ответ ректору и сенату (последний решительно отвергает просьбу царя позволить постройку православной часовни в саду дубровницко-

Алексей Борисович Арсеньев, Сербия. Область научных интересов — история православной церкви за рубежом, исследование жизни и деятельности русской эмиграции в Сербии. E-mail: arsenjev@neobee.net

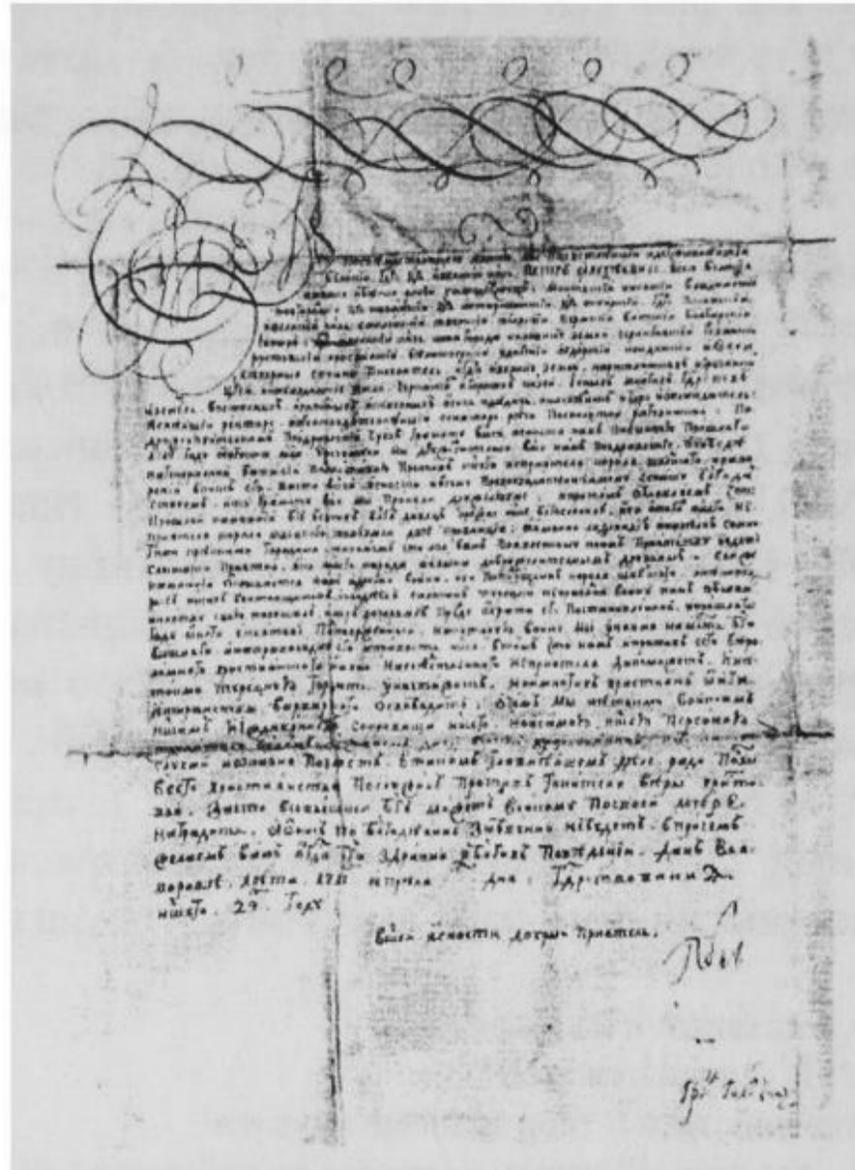
¹ Лучинина Н. А. Дубровницкая республика и Россия: от конфликта к взаимопониманию (российско-дубровницкие отношения в XVIII — начале XIX в.) // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 76.

² Макушев В. В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой: Из истории внешних сношений Рагузской республики. М., 1865. С. 15–16.

³ Vojnović L. Istorija Dubrovačke republike. Beograd, 2005. S. 267.

го дома графа Саввы Владиславича, где он смог бы похоронить свою мать). Несколько лет спустя дубровницкий житель Степан Русич сочинил стихотворение:

Королевство оное (шведское. — прим. А.А.) голову свою
 Под ноги Твои склонило,
 Когда в битве кровавой
 Увечья от нее получило...⁴

Письмо императора Петра I дубровницкому сенату, 1711 г.

В апреле 1768 г. возник конфликт между Дубровницкой республикой и Россией в связи с атакой и пленением в Генуе двух российских торговых кораблей. Командующий российским военным флотом в Средиземном море граф Алексей Григорьевич Орлов действовал энергично — в порту Патрас он взял в плен около 30-ти дубровницких судов. В те дни знаменитый ученый, дубровницкий житель Руджер Бошкович предупреждает из Милана Дубровник об опасностях («наши интересы живейшим образом заставляют нас стремиться, чтобы русские сюда не подступали; они могут стать хозяевами и на суше и на море, тогда мы (...) окажемся затопленными схизматиками, нашими смертельными врагами»). В июле 1771 г. на дипломатические переговоры в Петербург прибыл сенатор Фран Ранина, где ему в течение трех лет так и не удалось добиться аудиенции у императрицы. Переговоры по урегулированию конфликта возобновились лишь в 1775 г. в Пизе, а затем и на борту российского адмиральского корабля «Надежда»⁵.

⁴ Јелачић А. Русија и Балкан: Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866-1940. Београд, 1940. С. 27.

⁵ Фрејденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1984. С. 245; Vojnović L. Istoriја... S. 272.

Одновременно с тем конфликтом, новый политический эпизод обеспокоил императрицу Екатерину II — в Дубровнике, в апартаментах французского консула, появилась таинственная молодая женщина, вокруг которой вращались опасные польские политические деятели. Незнакомка («*dame d'Azov*», *Princesse Pineberg*) выдавала себя за дочь почившей российской императрицы, за внучку императора Петра I, и как якобы законная императрица Елизавета II, готовилась занять «праотеческий» престол. Адмиралу А. Г. Орлову из Петербурга было поручено арестовать «самозванку». Он пригрозил дубровницкому сенату, что будет бомбить город Св. Влаха, если власти республики не выдадут «незнакомку». Дубровник остался верным своей традиции — защищать политических беженцев, просивших убежища. Так называемая «княжна Тараканова» сама вынуждена была покинуть Дубровник. Позднее, уже в Ливорно, она обманым способом была поймана графом Орловым и препровождена в Петербург⁶.

По соглашению от 20 июня 1775 г. конфликт, связанный с пленением дубровницких и российских кораблей, был решен. Дубровницкая республика обязалась сохранять нейтралитет во всех будущих войнах России с любой страной и согласилась на открытие в Дубровнике российского консульства. До того о российских интересах в регионе Дубровника и Далмации заботился уроженец Дубровника И. Войнович, российский генеральный консул в Триесте.

Консулом России в Дубровнике был назначен албанец Антон Джика (Гика, *Ghika*, *Gicca*, *Dzika*), находившийся до того на службе при штабе адмирала Орлова. Первый «*Console generale di S. M. Imp-le di tutte Russia-Ragusa*» состоял на этой должности с 1788 г. по 1800 г. В штате миссии числились переводчик Степан Ямпольский и священник Иоанникий (позднее о. Феодосий)⁷. В архивах России хранятся обширные дипломатические донесения А. Джика, всесторонне отражающие сравнительно спокойный десятилетний период города-республики⁸.

Под конец 1801 г. российский двор назначил своим консулом в Дубровнике Карла Фонтонна — француза-эмигранта, состоявшего ранее на дипломатической службе Франции. Пробыл он в Дубровнике до 1806 г. (до вторжения французов в город)⁹.

Инициатором налаживания российско-дубровницких торговых отношений в первые годы XIX в. был дубровницкий консул в Стамбуле Ф. Кирико, добившийся права плавания торговых кораблей республики в Черном море. Из портов Одессы, Севастополя и Таганрога дубровницкие купцы вывозили зерно. Военные конфликты вскоре прервали этот вид сотрудничества¹⁰.

После падения Венеции (1797) Далмацию сотрясали социальные волнения. В дубровницкой житнице, области Конавле, летом 1799 г. вспыхнули крестьянские бунты, а

⁶ Этот сюжет послужил Г. П. Данилевскому для написания популярного романа, а художнику К. Д. Флавицкому в 1864 г. — для создания известного полотна «Княжна Тараканова». Сюжет вдохновил и дубровницкого поэта и драматурга Иво Войновича в конце 1920-х гг. написать драму, как и русского художника «Белградской школы комикса» Алексея Борисовича Ранхнера (1907–1942), создавшего в 1938 г. комикс «Княжна Тараканова», на текст В. В. Хомицкого.

⁷ *Фрейденберг М. М.* Русский консул в Дубровнике в конце XVIII в.: Материалы консульских донесений как исторический источник // Научни скупови САНУ. Књ. XXXII. Одељење историјских наука. Књ. 8. Београд, 1986. С. 171.

⁸ Хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР), Москва — Фонд «Сношения России с Рагузой».

⁹ *Mitić I.* Predstavnicí stranih država u Dubrovniku za vrijeme republike // Pomorski zbornik. Zagreb, 1966. Br. 4. S. 393.

¹⁰ *Лучинина Н.А.* Дубровницкая республика и Россия... С. 86.

в 1806 г., после поражения под Аустерлицем, Австрия была вынуждена уступить Далмацию Наполеону. Дубровницкая республика была перед угрозой оккупации. В адриатических водах появляется российская эскадра под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. В мае 1806 г. он заключил соглашение с дубровницким сенатом, согласно которому, в случае вступления французов на территорию Республики, граждане обязывались принять в стенах города российский гарнизон и вооружиться самим для оказания сопротивления французам. Однако случилось так, что благодаря обману и хитрому попустительству сената, французы без сопротивления вошли через городские ворота и заняли город. Дубровницкая республика утратила свой суверенитет, а российский консул прервал всякую связь с Республикой Св. Влаха. Черногорцы и жители Которской бухты, при содействии двух батальонов русского Егерского полка под командованием майора Звягина, 2 июня заняли городок Цавтат. Бои велись у стен Дубровника, а во время осады, руководимой князем Вяземским, горожане умирали от «меча, огня, голода и жажды»¹¹. В полную силу проявилась здесь ненависть окрестного православного крестьянства области Конавле к богатой католической республике. Российское командование делало все, чтобы защитить население Дубровника. Являясь свидетелем трагедии города, адмирал Сенявин 6 июля отдал приказ о снятии осады, и его войска отступили.

Дубровницкая республика была упразднена в январе 1808 г., город присоединен к наполеоновскому Королевству Италии. После Венского конгресса (1815) Дубровник находился под властью Австрийской империи, вплоть до падения Австро-Венгрии (1918). Французы опустошили его государственную казну, крестьяне в тылу ограбили и уничтожили его недвижимое имущество, а англичане взяли в плен все корабли¹².

Дубровник, панорама

¹¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера о продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина, от 1805 по 1810 год. Ч. II. СПб., 1836. С. 26.

¹² Stanojević St. Narodna enciklopedija Srpsko-hrvatsko-slovenačka. 1. knjiga. Zagreb, (b.g.). S. 590.

Приезд, пребывание и жизнь русских в Дубровнике в течение XX в. мы решили представить в виде эксцерптов из различных источников, желая, таким образом, сохранить «дух эпохи» и подлинность зарисовок событий.

Вскоре после подписания на острове Корфу «Декларации об объединении южнославянских народов» (август 1917 г.), российское Временное правительство (в лице министра внешних дел М. И. Терещенко) было первым и единственным правительством из союзников Сербии, официально приветствовавшим и признавшим создание Королевства сербов, хорватов и словенцев¹³.

В ходе Гражданской войны в России Добровольческая армия генерала А. И. Деникина и общественные организации Киева, Одессы и Екатеринодара направили своих эмиссаров в столицы государств-союзников — Лондон, Париж и Белград, рассказать о боях на юге и положении дел в России. В делегации, состоявшей из восьми общественных деятелей и политиков различных ориентаций, которая в августе 1919 г. проехала из Белграда по Боснии, Герцеговине, Далмации и Черногории, был и видный монархист-«славянофил» граф Владимир Алексеевич Бобринский¹⁴. В том же году в Белграде была опубликована его брошюра, в которой граф описал свои впечатления от этого путешествия, содержащие и подробности пребывания трех членов российской делегации в Дубровнике:

«Дубровник — южная славянская республика, нам, русским, напоминает нашу северную, тоже торговую республику, Великий Новгород... Невзирая на свое искреннее славянофильство, Дубровник всегда оставался оплотом католичества, и даже российской императрице Екатерине II отказался дать разрешение на постройку православного храма, за что был награжден Папой Римским. Лишь в 1790 г. было получено разрешение на открытие скромной часовни при российском консульстве. Этот храм имели право посещать только российские подданные. Постепенно, при попечительстве консульства, при храме был создан православный приход, старанием которого, в конце концов, в 1877 г. в Дубровнике был воздвигнут великолепный православный храм в сербско-византийском стиле. Сегодня на 10 тыс. жителей здесь проживает одна тысяча сербов, остальные 9 тыс. католики, из которых часть называет себя хорватами, а другая сербами.

В порте-пригороде Груж нас встречает представитель от города Дубровника и приветствует на русском языке. Девушки преподносят нам цветы, затем выступает один молодой человек и приветствует нас от имени сербов, которые несут службу в рядах Русской армии...

Первым делом мы посетили видного политического деятеля, 83-летнего господина Джингрия¹⁵... Было отрадно беседовать на родном языке не только с местным населением, но и с крестьянами из окрестностей. По-русски надо говорить медленно и внятно, избегать иностранные слова (которыми наш язык изобилует), и тогда вас все отлично поймут. Удивляет близость языков, нашего и языка дубровчан...

¹³ Желачић А. Русија и Балкан... С. 113.

¹⁴ Подробнее о нем: Арсеньев А. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 83–93.

¹⁵ Перо Чингрия (Ѕингрија; 1837-1921), видный политический деятель Далмации, доктор юридических наук Падуанского университета, четыре мандата состоял председателем Дубровницкого муниципалитета (1878-82, 1899-1905, 1905-11, 1918), родился и умер в Дубровнике.

Молодой адвокат-кандидат (Матия Шишич. — А.А.) снова приветствовал нас, на русском языке, на этот раз от имени дубровницкой молодежи. Приветствовал нас и Россию, освободительницу и защитницу славян. Отвечая на прекрасные слова молодого юриста, один из нас (очевидно, В. А. Бобринский. — А.А.) держит, вероятно, первую речь, которую произнес русский человек в Дубровнике, за все 800 лет его существования...

На второй день мы посетили католического епископа, православного священника и подробно осмотрели ризницу католического собора... Восемь гребцов на лодке свозили нас на остров Локрум.

Вечером, в гостинице «Империял» на Пилах трое из нас говорили и в этих речах старались дать ответы на вопросы, задаваемые многими дубровчанами: как помириться с фактом, что такой великий народ, каким является русский, создавший такое мощное государство, мог лишь за несколько месяцев погибнуть и потерять все то, что предки создавали веками, как мог так низко пасть... Мы объясняли и убеждали их в том, что Колчак и Деникин возглавляют подлинно народные армии, которые не сегодня-завтра, несомненно, спасут Россию, и она, как и прежде, будет защитницей славян.

Скопище народа воодушевилось настолько, что присутствующие, вопреки позднему часу, не расходились, а прошли через весь город и с патриотическими песнями на устах направились к памятнику своему поэту Гундуличу.

Дубровник. Площадь поэта И. Гундулича

На следующий день нам был дан от города пышный прощальный банкет, на котором председательствовал престарелый д-р Джингрия. А в понедельник, 18 августа, в 5 часов утра мы на поезде выехали из Гружа»¹⁶.

В те дни в Дубровнике уже поселилась малая группа беженцев с юга России, которые со своими регулярно визированными паспортами и солидным запасом валюты весной 1919 г. покинули Одессу.

В автобиографии, «своем жизненном романе», известный югославский художник, автор комиксов Джордже Лобачев (Юрий Павлович Лобачев; 1909-2002), сын русского вице-консула в Цетинье, в Косовска-Митровице, Канее (на острове Крит), генерального консула в Македонии (в Салониках до окончания Первой мировой войны), вспоминает свой приезд в Дубровник в 1918 г.:

¹⁶ Бобрински В. Са пута по Југославији. Београд, 1919. С. 15–26.

«Бесконечная вереница тоннелей, долгое кружение вдоль Попово-поля и, наконец, прибытие в Груж. Мы остановились в гостинице «Лапад», которая и ныне существует. Вскоре отец нанял довольно большой дом с садом, на холме, в начале района Лапад... Мы, дети, сразу полюбили Дубровник и Лапад. Тогда еще ходил трамвай с прицепом, без ограждений по сторонам. Дорога к морю была украшена прекрасными агавами, тогда они были в цвету (цветут лишь раз, после чего гибнут). Вдоль дороги еще не было домов, тем более гостиниц. Одиноко возвышалась, словно выросшая прямо из моря, грандиозная крепость Ловриенац.

Однажды, возвращаясь с прогулки по верхней дороге, мы остановились и смотрели вниз, под гору, где играли в футбол. Тут я получил первый наглядный урок физики, сначала был виден удар по мячу, а лишь после некоторого отрезка времени звук удара доносился до нас.

Так прошел и 1920 г., который означал поворот в нашей жизни. Отец болел диабетом. А тогда еще не было инсулина. Болезнь все более брала свое. В конце-концов, отец совсем занемог.

День стоял хмурый, по небу проносились густые серые тучи, на ветках оголенных деревьев блистали капли дождя. Отец попросил Артемия (старшего сына. — А.А.) и меня сыграть «Серенаду» Шуберта... А на следующий день, 2-го марта 1921 г., он скончался, всего на 46-м году жизни. По совету родственника матери мы переехали в город Нови-Сад, который уже тогда стал одним из крупных центров русской эмиграции. Вскоре мать перевезла останки отца из Дубровника в Нови-Сад»¹⁷.

В окрестностях Дубровника, на острове Шипан, поселился Глеб Васильевич Алексеев (1892–1938), журналист, литературный критик, драматург, сотрудник русских газет в Москве, Киеве, Ростове-на-Дону; его талант фельетониста хвалил Максим Горький. На фронтах Первой мировой войны Алексеев дважды был ранен, после революции эмигрировал, был матросом на английском пароходе, объездил Грецию, Турцию, Италию, жил и в Австрии, Венгрии, Югославии. Сотрудничал в белградской ежедневной «Русской газете» (1920) и в русских периодических изданиях по всей Европе. Сохранились его письма с о. Шипан в Берлин¹⁸. С 1922 г. Алексеев поселился в Берлине и принимал участие в литературных и издательских мероприятиях эмиграции, писал повести, статьи, переводил с украинского языка. Был близок с Борисом Пильняком и переписывался с футуристом Давидом Бурлюком, который из США отправил ему рукописи стихотворений и доллары. Эти деньги Алексеев не истратил по назначению на публикацию сборника стихотворений Бурлюка, а присвоил их и ими оплатил билет на свое возвращение в Россию. В Советском Союзе был опубликован ряд литературных произведений Алексеева и его воспоминания эмигрантского периода. Пострадал он в годы сталинских репрессий.

Несколько «волн» беженцев из России захлестнуло Дубровник в течение 1920 г.: в январе, марте, мае, августе и декабре.

«В марте 1920 г. из неизвестного сборного пункта прибыло в Дубровник по железной дороге 30–40 белоэмигрантских семейств т. н. «Новороссийской эвакуации», общей численностью около сотни лиц. В Дубровник они приехали в одиночку или в группах, из разных направлений. В основном это были представители русской аристократии, капиталистических и буржуазных кругов. По приезде в Дубровник они поселились в городе, не

¹⁷ Лобачев Б. Кад се Волга уливала у Саву: Мој животни роман. Београд, 1997. С. 15–16.

¹⁸ Флейшман Л., Хюз Р., Раевская-Хюз О. Русский Берлин 1921–1923. Paris, 1985. С. 95–106, 164.

работали, а жили на привезенные с собой капиталы. Это были первые эмигранты, и им в Дубровнике легко было нанять комфортабельные квартиры. Некоторые остались тут на короткое время, некоторые дольше. Кое-кто из них выехал во Францию или в другие западноевропейские страны, кое-кто здесь обосновался навсегда.

Вскоре после прибытия в Дубровник они основали свою первую «русскую колонию», являющуюся одной из старейших русских колоний, возникших в Хорватии. Из видных особ, прибывших тогда в этот город, нам известны:

Леонид Павлович Леш, бывший генерал-полковник (так! — *А.А.*), который в Первую мировую войну командовал 3-й Армией в Галиции. Позднее он переехал на остров Шипан, где и скончался, в 1934 г. (генерал от инфантерии Л. П. Леш, 1862–1934; скончался и похоронен в городе Котор. — *А.А.*).

Николай Александрович Шильдер-Шульднер, бывший Архангельский губернатор, первый председатель русской колонии, скончался в Дубровнике.

Граф Иван Иванович Толстой, бывший министр народного просвещения, в 1922 г. уехал в Париж.

Граф Сергей Сергеевич Толстой-Милославский, бывший член Государственного совета, умер в Дубровнике в 1925 г.

Д-р Евгений Федорович Гарнич-Гарницкий, выдающийся врач и общественный деятель в Киеве, позднее поселился в Белграде.

Владимир Иванович Звягинцев, бывший губернатор, очень богатый, позднее уехал в Париж.

Скарятин, помещик и богач, тоже из Дубровника выехал во Францию.

Александр Аркадьевич Столыпин, помещик, брат бывшего премьер-министра императорской России, позднее уехал в Париж¹⁹.

Из других источников, в «сербской эвакуации (Ненадича)» беженцев с юга России весной 1920 г. в Дубровнике нашло приют 332 лица²⁰.

Среди эмигрантов в Дубровнике оказался и человек передовых взглядов, Николай Алексеевич Хомяков (1850–1925), сын известного славянофила. В императорской России он был крупным землевладельцем, состоял членом Государственного совета и Государственной думы (председатель третьего созыва), по ориентации представитель умеренных монархистов, занимал пост в управлении Российского Красного креста. Перед революцией отошел от политики. Скончался в Дубровнике.

«В начале августа 1920 г. на русском крейсере «Орел» прибыла в Дубровник группа русских белоэмигрантов, примерно 210 душ. Прибыли они из Владивостока, отступая от натиска Красной армии. Почти весь эшелон состоял из воспитанников и преподавателей Военно-морской академии во Владивостоке, откуда он направился сперва в Японию. В одном японском порту крейсер бесплатно обзавелся углем и продолжил плавание в Сингапур. Оставшись без пропитания, часть угля была обменена на провиант, и транспорт продолжил путь, направляясь в Индию и далее, через Суэцкий канал. Было принято решение бросить якорь в Дубровнике. Причалив, академия была расформирована, преподаватели и учащиеся частично были распределены в русские кадетские корпуса, в Сараево, Билече и Белую Церковь, а другая часть направлена в университеты Белграда и Загреба... Директором Военно-морской академии был капитан военного суд-

¹⁹ Elaborat: Beloemigranti u Jugoslaviji u periodu od dolaska (1920.-1921. g.) do okupacije (1941. g.). Zagreb, septembra 1950. god. S. 29-30.

²⁰ Архив САНУ, Београд. Фонд А. Белића. АБ-III-2479: Списак колонија руских избеглица у Југославији, 18. II 1921.

на Михаил Александрович Клицин, одновременно состоявший и командующим транспортом этого дальнего плавания. Эшелону в Дубровнике не был оказан официальный прием»²¹. На борту этого судна находился и гардемарин Алексей Петрович Дураков, позднее известный поэт «русского белградского круга», в 1944 г. погибший героической смертью в отрядах югославских партизан.

Prepis
 Pretatojništvo gradskog redarstva - Dubrovnik
 K. broju pov: 5375/39 Dubrovnik, 21. XII. 1939

S P I S A K

ruskih emigranata, koji borave na području ovog Pretatojništva
 Ruska kolonija - Dubrovnik

Red. br.	Prezime i ime	muških	ženskih	Ukupno	Primjedbe
1.	Alančikov Krinosof sa ženom Ljubom	1	1	2	Lica od 1 do uključivo 39 su bolje situirana
2.	Bilding Nikola	1	-	1	
3.	Balicev Nikola	1	-	1	
4.	Ciprov Dimitrije sa ženom Marijom	1	1	2	
5.	Čiriborski Nikita sa ženom Ninom	1	1	2	
6.	Dimitrijević Leonid sa ženom Verom	1	1	2	
7.	Hlopina Aleksandar	1	-	1	
8.	Jambik Nikola sa ženom Marijom	1	1	2	
9.	Karpov Sergej	1	-	1	
10.	Krasnobajev Anatolije sa ženom	1	1	2	
11.	Lavčević Georgije sa ženom Anom	1	1	2	
12.	Lermontov Grigorije sa ženom Sofijom	1	1	2	
13.	Lešenko Marija	-	-	1	
14.	Masenka Georgije	1	-	1	
15.	Zamjatin Nikola	1	-	1	
16.	Novikov Sergej sa ženom Evgenijom	1	1	2	
17.	Pivovarov Aleksa	1	-	1	
18.	Štarić Maksimilijan sa ženom Zinaida	1	1	2	
19.	Bofonov Aleksije	1	-	1	
20.	Šator Igor	1	-	1	
21.	Terentjeva Križanda	-	1	1	
22.	Voronova Izidokija	-	1	1	
23.	Zemov Pavle sa ženom Viktorijom	1	1	2	
24.	Doročev Evgenije sa ženom	1	1	2	
25.	Olenov Aleksa sa ženom Nadeždom	1	1	2	
26.	Honjakova Marija	-	1	1	
27.	Štaja Sergej sa ženom Margaritom	1	1	2	
28.	Kavalenko Ivan sa ženom Nadeždom	1	1	2	
29.	Ignjatov Boris sa ženom Marjom	1	1	2	
30.	Abramoval Valentin sa ženom Vavrom	1	1	2	
31.	Krstin Antonija	-	1	1	
32.	Manockov Ivan sa ženom	1	1	2	
33.	Kupfer Artur sa ženom Elenom	1	1	2	
34.	Sergijev Andrej sa ženom Ninom	1	1	2	
35.	Moljcev Vladimir sa 2 djece Nikolom i Mihajlom	3	-	3	
36.	Ivgnjeva Ema	-	1	1	
37.	Topčijev N. sa ženom Ljudmilom	1	1	2	
38.	Profimenko Vasilije	1	-	1	

Red. br.	Prezime i ime	muških	ženskih	Ukupno	Primjetbe
39.	Čičilin Josif	1	-	1	
40.	Matinko Vera	-	1	1	
41.	Pađjimo Nikola	1	-	1	
42.	Mihajlova Nadežda	-	1	1	
43.	Kuščakov Petar	1	-	1	
44.	Šušljinkova Elisabeta	-	1	1	
45.	Knorring Vladimir	1	-	1	
46.	Ljubinskaja Marija	-	1	1	
47.	Kolcov Nikola	1	-	1	
48.	Elstarević Sergej	1	-	1	
49.	Knadze Vladimir	1	-	1	
50.	Otorova Elisabeta	-	1	1	
51.	Drozovski Ardolion (Ivan)	1	-	1	
52.	Števcov Nikola	1	-	1	
53.	Sergejeva Ana	-	1	1	
54.	Strabajev Pavao	1	-	1	
55.	Ljublinski Ponteljenom	1	-	1	
56.	Botševa Lidija	-	1	1	
57.	Pasin Boris	1	-	1	
58.	Krasovcev Aleksandar	1	-	1	
59.	Ivanov Petar (Dimitij)	1	-	1	
60.	Šerenetko Ljudmila	-	1	1	
Ukupno:		48	35	83	
(M.P.)		Pretatojništvo redarstva: Dr. Žgombić s r.			

Перечень членов русской колонии в Дубровнике, 21 декабря 1939 г.

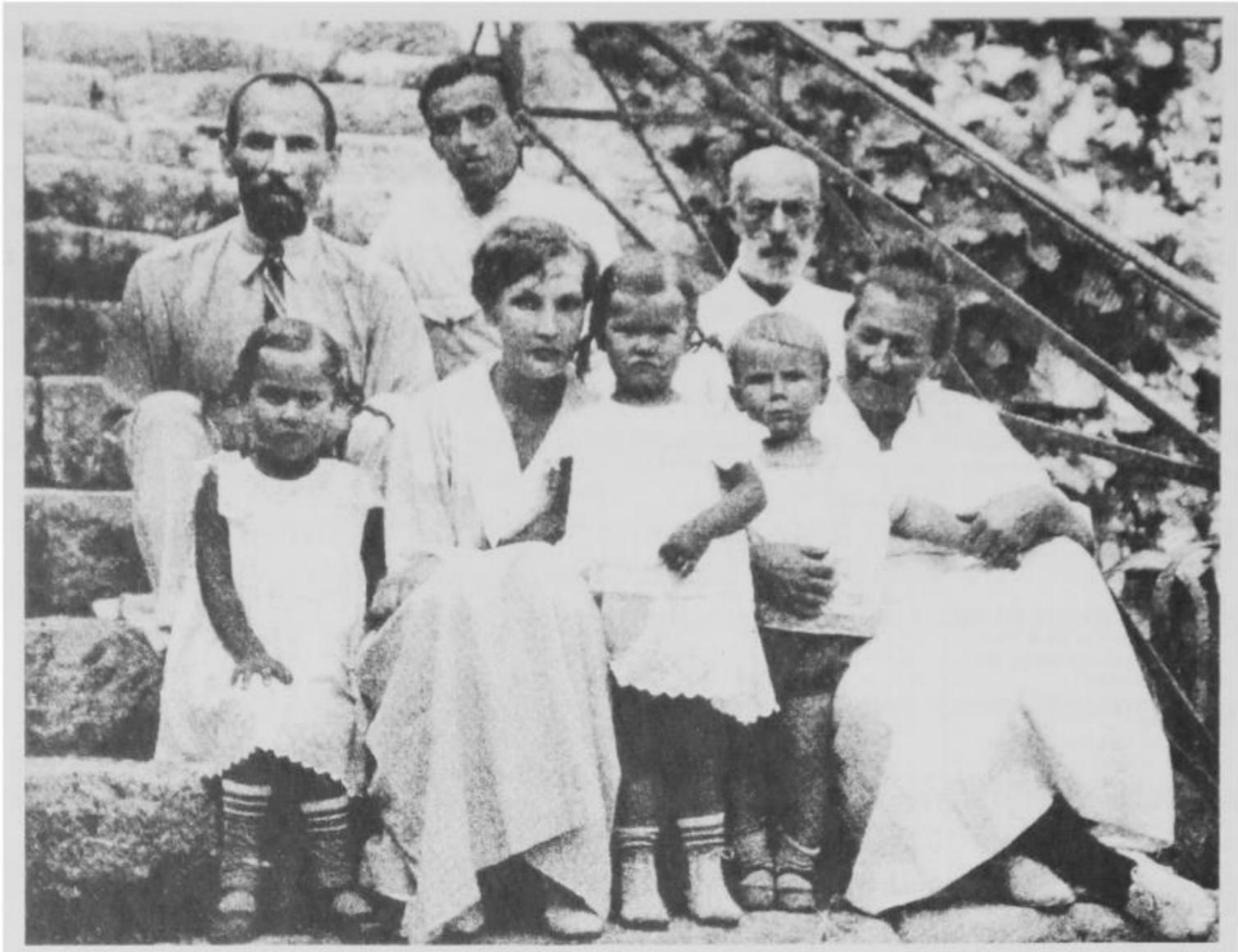
В том же 1920 г. в Груж причалили и транспорты с югославскими военноопределяющимися, оказавшимися в России. С ними были и русские беженцы. Так, 10 сентября, в Груже стал на якорь пароход «Гималаи», прибывший из Владивостока. Местная пресса отметила: «Прибыло 888 солдат, 81 офицер, 334 чехословаков с музыкой, 59 женщин и 28 детей»²². Сопровождал этот конвой русский врач Аркадий Матвеевич Зайцев с супругой Анастасией Васильевной, урожденной Блохиной, который сперва получил место по специальности на о. Шипан, а позднее, до своей кончины в 1955 г., работал врачом в воеводинской деревне Деспот Св. Иван (Деспотово)²³.

Новая «эмигрантская волна» была самой мощной.

²¹ Elaborat... S. 30.

²² Narodna svijest. Dubrovnik, 1920. Br. 38. 15. rujna.

²³ Устное сообщение А. В. Зайцевой автору.

Семья К. С. Мельника, прибывшая в августе 1920 г. в Дубровник на пароходе «Гималаи», с Дальнего Востока. Дубровник, 1923 г.

Ноябрь-декабрь 1920 г.: «французская эвакуация» с Крыма

После окончания войны с Польшей Красная армия переправилась на юг России и в неудержимой контратаке у Перекопа 7–8 ноября 1920 г. поставила Русскую («белую») армию генерала Петра Николаевича Врангеля в безнадежное положение. Барону П. Н. Врангелю уже не оказывают поддержку военные союзники России — Франция и Англия. В течение всего нескольких дней, при помощи союзнических пароходов, оказавшихся в портах Крыма, была проведена эвакуация — спасение от большевистских репрессий около 150 тыс. человек (офицеров, гражданских лиц, семейств государственных чиновников, интеллигенции, целых учебных заведений, вдов, военных инвалидов и сирот). Они погрузились примерно на 150 кораблей и в начале ноября направились к Босфору.

Правительство Республики Франции взяло под свое покровительство этих беженцев, и между правительствами европейских стран начались срочные дипломатические переговоры, связанные с размещением беженцев. Королевства сербов, хорватов и словенцев согласилось принять часть этого контингента. На совещании Государственной комиссии по приему русских беженцев, состоявшемся 18 ноября 1920 г. в Белграде, было принято решение о создании в Далмации приемных пунктов беженцев — в Бухте Которской, Дубровнике и Бакаре. Уполномоченным представителем Государственной комиссии в Дубровнике был назначен подполковник Александр Андреевич Леман, бывший чиновник Правления Красного креста в Петрограде²⁴.

²⁴ Ловановић М. Доселовање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996, С. 126.

Адриатические порты Мелине, Груж и Бакар приняли в те дни около 20 тыс. беженцев с Крыма. В дубровницкий порт Груж 1 декабря 1920 г. причалил пароход «Сегед», принадлежавший обществу «Адриа», который под командованием капитана Десковича 28 ноября вышел в море из Константинополя, вошел в Бухту Которскую, но там не был принят, а направлен в Дубровник. На его борту официально было зарегистрировано 2563 русских беженца, из которых в Дубровнике оставлено 783 лиц, а остальные, пройдя карантин, по группам направлены, в основном, в Банат (северо-восточную область страны). Экипаж американского корабля «Олимпия», находившийся в порту Груж в момент прибытия «Сегеда», продолжил помощь беженцам, предоставив им пропитание²⁵. На этом пароходе прибыло около тысячи солдат и офицеров армии генерала Врангеля и около 1800 гражданских лиц, женщин и детей. Военные преимущественно были из воздухоплавательных подразделений (состоящих под командованием генерал-майора Вячеслава Матвеевича Ткачева и его помощника полковника Ивана Николаевича Тунношенского), из авиационного офицерского училища (полковник Усов) и т. н. «Дикой дивизии» (полковник Чеберняев)²⁶.

«С этого транспорта в Дубровнике остались лишь те, которым удалось найти какую-либо работу, или у кого были знакомства и родственники, устроившиеся здесь ранее. Им нужно было подать прошение в адрес мэрии для получения вида на жительство в Дубровнике. Из всей группы, прибывшей на «Сегеде», в Дубровнике и его окрестностях поселилось около трехсот человек... Между ними выделялись: руководитель транспорта генерал Беляев, Корнаковский, Гончаров, Лысенко и Беляков.

Одна группа эмигрантов прибыла 16 декабря 1920 г. в Которскую бухту на пароходе «Брезгавия», но не все были высажены в порте Тиват; 150-180 из них задержаны на борту и лишь 31 декабря сошли на берег в порту Груж. До своего отплытия в Воеводину, команда этого транспорта была размещена в дубровницкой казарме «Санта Мария». Ее составляли специалисты различных профессий: техники, инженеры, врачи. Среди них оказались инженеры Сергей Биркин, Игорь Сысоев, Павел Лопырев, В. Белобородов, врач Елена Шершевская и др.»²⁷

Помимо дубровницких военных казарм-крепостей Ревелин, Моло и Св. Мария, группы беженцев, эвакуировавшиеся из Крыма, расположились в бывшей гостинице «Hotel de la Ville» и в доме «Беназ» в районе Плоче²⁸.

Позднее, в течение 1921 г., в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибывали и другие подразделения армии Врангеля, временно рассредоточенные в лагерях Турции и Греции. Начиная с 1-го сентября 1921 г. Военно-морское министерство приняло около 4,5 тыс. русских военных на пограничную службу, сроком на год. Вторая бригада кавалерийской дивизии 1-го Армейского корпуса, которой командовал генерал-майор Борис Владимирович Гернгросс, с центром в Загребе, была отправлена на границу с Италией, на острова (Раб, Углян, Зларин, Хвар, Корчула) и в далматинские города (Карлобаг, Трогир, Макарска, Дубровник, Зеленика, Будва)²⁹. Дубровницкий отряд с русскими пограничниками размещался на острове Локрум.

На пароходе «Сегед» в Груж прибыл Борис Викентьевич Матусевич (1874–1939), вместе с дочерью и внуком, бывший товарищ министра финансов императорской Рос-

²⁵ Русский листок. Дубровник, 1921. № 3. 29 января.

²⁶ Elaborat... S. 36.

²⁷ Там же, S. 36–37.

²⁸ Narodna svijest. 1920. 8. prosinca.

²⁹ Јовановић М. Op.cit С. 209.

сии и ученый. В эмиграции он преподавал математику, физику, астрономию, историю, географию, французский, немецкий и латинский языки в гимназиях Белграда, Румы, Косовска-Митровицы и Приштины. С того же парохода высадился и юноша Сергей Андреевич Кисловский (1899–1995), в будущем видный агроном-селекционер Института сельскохозяйственных исследований в Нови-Саде³⁰. В семейном архиве Кисловских сохранилась рукопись его воспоминаний, из которых хотелось бы привести небольшой фрагмент.

С. А. Кисловский (крайний слева), Е. В. Гибшман и Приловский. На обороте текст: «В таком виде мы прибыли в Югославию. Дубровник, 21-ХІІ-1920».

Сергей Андреевич Кисловский: Дубровник, 1920–1921 гг.

«На следующий день мы приплыли в Груз — порт города Дубровника (Рагузы). Два дня нас не выгружали, подготовляли помещения, и только 28 ноября (вернее, 3 декабря. — А.А.) 1920 г. вечером выгрузили на берег. Из Груза повели в Дубровник. Наконец нас, вшивых и грязных, поселили в старых средневековых сооружениях-крепостях... Наша группа попала в крепость без окон и дверей, в Ревелин, остальные, в большинстве случаев, семейные, были помещены в средневековый женский монастырь, который возвышался над морем и назывался «Монастырь «Святая Мария».

³⁰ Подробнее о нем: *Арсеньев А. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 90-91.*

Среди нас было много больных, главным образом, тифозных, и поэтому нас никуда не выпускали. Мы должны были 14 дней пробыть на карантине. Разместили нас в Ревелине, через несколько дней повели в Груж, где стоял санитарный поезд. В его составе была баня и отделение для дезинфекции. Нас хорошо вымыли, выкупали, а пока нас мыли, наши вещи продезинфицировали. После дезинфекции совсем пропали кожаные пояса, а одежду — брюки и куртки, едва можно было снова одеть. Наконец, до некоторой степени мы избавились от вшей. Но не совсем.

Началось сидение на карантине. Выпускали только дежурных, которые отправлялись за хлебом и другими продуктами. Один раз я был назначен на дежурство. Идя по главной улице Дубровника Страдуне, подошел к ювелирному магазину и в витрине, как в зеркале, увидел, что у меня на лбу под фуражкой сидит огромная вошь. Придя в Ревелин, я попросил Женю³¹ постричь мои длинные волосы. Большими ножницами для кройки сукна он принялся меня стричь, причем, захватывал или верх волос, или мою кожу. Я потом долго ходил с окровавленной головой.

Так мы 14 дней просидели на карантине. Время шло очень медленно, и у кого были карты, играли в преферанс и другие игры. Игральных карт было мало, а желающих играть много. Колода карт стоила до 50-ти динар.

Вскоре Дубровник и наш Ревелин посетила делегация из Белграда. Ее возглавлял российский посол Василий Николаевич Штрандтман. Важный, хорошо одетый, с брезгливой гримасой, он смотрел, как мы расположились на полах, а в Ревелине в то время не было ни окон, ни дверей. В первые же десять дней нашего пребывания на карантине нам выдали двухмесячную «ссуду» — помощь, в «размен»: разменивали наши добровольческие деньги — «колокольчики» на динары. За два месяца дали по 400 динар в месяц. Каждый из нас получил 800 динар. По тем временам это была огромная сумма.

Приловский, мой сослуживец, воспитанный в петербургских бильярдных, умный пройдоха, предложил нам одну операцию, на которой мы рассчитывали хорошо заработать: свои 800 динар, плюс Женины и мои — всего 2400 динар, он истратил, скупая по всем ресторанам и кафе Дубровника игральные карты. Принес в Ревелин три-четыре мешка. Мы два дня эти карты сортировали, разбирали по рубашкам, составляя полные колоды «шпили». Нам удалось составить около двухсот комплектных колод. Их мы легко продали сидящим на карантине и жаждущим играть. Продавали по 50 динар за колоду. В эту операцию мы вложили 2400 динар, а заработали больше 10 тыс. Заработок мы разделили на три части, и я сразу же пошил себе штатский костюм.

Кубанские казачки, которые в Ревелине ютились наверху, над нами, на третьем этаже, тоже получили двухмесячный «размен» — по 800 динар. В один из вечеров они у себя устроили выпивку. Здорово напились. Пели песни «Ах, Кубань ты, наша родина» и другие, танцевали, горланили. Один из них почувствовал, что ему надо отправиться «по ветру», покинул компанию и направился к дверям, но по пьяному делу не попал в дверь, а пошел к окну. Станишник шагнул и с третьего этажа упал на острые скалы. Остальные в страшном беспокойстве выбежали наружу, подбежали к скалам. На камнях лежало неподвижное тело. Стащив его с камней, принесли в помещение. Упавший только мычал и храпел. Утром казачок проснулся. Не верил, что выпал из окна третьего этажа, считал, что земляки его разыгрывают.

После удачной и выгодной распродажи всех колод, весь Ревелин, Мол и монастырь Святой Марии играли в карты. Вскоре и мы подобрали себе компанию желающих

³¹ Женя — Евгений Владимирович Гибшман (1898–1984), выдающийся агроном-селекционер в Нови-Саде.

играть в преферанс. Нас трое сравнительно хорошо играли в эту игру, а наши партнеры, большинство поповских сынков, имели мало представления о преферансе. Женя, Приловский и я все свободное время, а его было вдоволь, проводили за картами. Мы сидели играть отдельно, каждый с отдельной группой и почти ежедневно выигрывали около 80–100 динар. Это был солидный доход, мы привыкли каждый день выигрывать на дневные расходы.

Наступил Новый год. В Ревелине мы жили уже больше месяца. Русских по партиям стали расселять по разным городам Королевства. Запретной зоной, куда мы не могли попасть, считались Земун, Белград, Панчево, где уже осело слишком много русских. Расселяли группами по 50–70 человек. Эти группы называли русскими колониями. В одну из таких групп попали наши партнеры, у которых мы, играя в преферанс, постоянно выигрывали. Когда подошло время их отъезда, и их повели в Груж, мы пошли их провожать на вокзал. Там, в ожидании посадки и отправки, мы играли с ними, сидя на перроне, пытались в последний раз выиграть еще несколько динар.

Уехали наши партнеры, и прекратился наш ежедневный заработок. Мы слонялись по Ревелину, как сонные мухи. В больших залах остались лишь старички. Привыкши ежедневно выигрывать, мы предложили старичкам сыграть. Они охотно согласились.

— По какой?

— По какой хотите.

Сели мы с ними играть — отдельно Приловский, отдельно Женя и отдельно я. Результаты были плачевные. Каждый из нас проиграл старичкам около 200 динар. За один день мы проиграли то, что зарабатывали в течение недели. На этом игра прекратилась, и распалось наше акционерное общество.

Подошел и наш черед. Группа около 70-ти человек, в их числе находилось и нас трое, в Груже была посажена в товарные вагоны и по узкоколейной железной дороге отправлена в глубь страны. Бесконечно, почти сутки, поезд тархтел, полз вокруг Попово-поля. Медленно мимо проплывали незнакомые пейзажи, и к концу второго дня мы подъехали к Мостару»³².

Жители Дубровника о русских беженцах

После высадки с парохода «Сегед» мэр Дубровника д-р Нонвайлер направил предупреждение местному населению:

«Наблюдаются, и с полным основанием осуждаются, действия многих горожан, когда они смешиваются и вступают в контакт с вышеупомянутыми (русскими беженцами. — А.А.), частично из любопытства, а в большинстве случаев в целях приобрести от них товар, либо за наличные, либо в обмен. Необходимо иметь в виду и помнить, что из-за неблагоприятных условий, среди этой пестрой массы распространены опасные и заразные болезни, скажем более, среди беженцев были случаи сыпного тифа»³³.

Горожане были изумлены, наблюдая, как русские в первый день Нового 1921 г. купались в море и загорали на солнце³⁴. Несколько заметок о них было опубликовано в белградской «Иллюстрированной газете»:

«Из Дубровника и Гружа. Если судить по цифрам, в этих населенных пунктах, захлеснутых волной русских беженцев с Крымского полуострова, люди ворочают миллиардами. Нет дома, в котором не осело несколько сотен тысяч рублей. Не иметь их как-то даже неприлично.

³² Кисловский С. Воспоминания: [Рук.] // Семейный архив Кисловских. Нови-Сад.

³³ Narodna svijest. 1920. 8. prosinca.

³⁴ Там же. 1921. 5. siječnja.

Один знакомый спросил меня:

— У вас есть русские рубли?

— Нет.

— Как так? Я принесу их вам, на память.

И действительно, на следующий день он принес 15 тыс. руб., но не хотел мне их продать. Говорит: я обменял их за буханку хлеба. Не подумайте, пожалуйста, что это злоупотребление в несчастье! Боже упаси, это дневной валютный курс русского рубля. Народ к этому уже привык.

А представьте себе мину на лице одного парикмахера в Груже, когда ему, сразу по высадке беженцев с парохода, один русский предложил оплатить бритье русскими деньгами и тот, согласившись больше из курьеза и любопытства поглядеть на эти деньги, принял от русского господина ни более, ни менее, как 35 тыс. руб.! Парикмахер не соглашался, но русский его убеждал, что таков тариф бритья и стрижки в Крыму.

Сейчас каждый житель Дубровника владеет сотнями тысяч рублей, их берут как сувенир. Никому не приходит в голову скупать их и торговать ими в городе, где и последний портовой грузчик следит за курсами франка, лиры и доллара и торгует ими, где каждый из них поджидает благодати от большевизма, верная картина которого предстает перед ним в виде миллионов рублей от русских беженцев»³⁵.

«Освящение русской столовой. Дубровник перегружен русскими беженцами, а их колония весьма деятельна. На этих днях (февраль 1921 г. — А.А.) состоялось торжественное открытие и освящение русской столовой. На симпатичное и скромное торжество русские пригласили цвет дубровницкого общества... В самом скором времени откроется и пекарня для беженцев.

Своим прекрасным и корректным поведением русские завоевали симпатии местных жителей, которые лишь сейчас, благодаря непосредственным контактам, получили возможность узнать чистую русскую душу и полюбить ее. Этому немало способствовало и несколько концертов русских артистов, среди которых особо выделялись госпожи Милич, Морозова, Архипова, Скоробогатова, баритон Баранов³⁶. Один концерт они дали в пользу здешнего Югославского академического клуба, когда была собрана значительная сумма для помощи нуждающимся студентам»³⁷.

О русских колониях в Дубровнике и Груже сохранились интересные документы 1949 г. Приводим их полностью (в переводе с хорватского языка, сохраняя термины и лексику «молодого социалистического государства»):

Русская колония в Дубровнике

Когда в декабре 1920 г. из Крыма через Константинополь в Дубровник прибыл пароход «Сегед» с 3 тыс. белогвардейцев, после их высадки в Дубровнике, на нем остались лишь 800 человек. Таким образом, вместе с теми, кто сюда прибыл в марте 1920 г., общее число белоэмигрантов в Дубровнике составляло около 900 душ.

В Дубровнике возникла «русская колония», которая к 1 января 1921 г. официально была зарегистрирована со стороны югославских органов власти. Ее цель заключалась в охране интересов белогвардейцев в Дубровнике. На учредительном собрании при-

³⁵ Иллюстровани лист. Београд, 1921. Бр. 3. 20. / 27. јануар.

³⁶ Супружеская пара: Надежда Николаевна Архипова (1894–1967), лирическое сопрано, и Николай Сергеевич Баранов (1893–1933), баритон – солисты Оперного театра в Одессе, позднее были приняты солистами в Оперную труппу Сербского национального театра в Нови-Саде.

³⁷ Иллюстровани лист. 1921. Бр. 8. 24. фебруар / 3. март.

существовали и члены первой, неофициально созданной, русской колонии в Дубровнике, эмигранты, прибывшие в марте 1920 г., после т. н. Новороссийской эвакуации, которые в подавляющем большинстве были аристократами и буржуазией. В тот момент таких в Дубровнике оказалось около сотни душ.

Первым председателем новой колонии был избран генерал Николай Иванович Лунский³⁸, прибывший в Дубровник на пароходе «Сигет», до утверждения предыдущего председателя колонии Шильдер-Шульднера. Из-за избрания (Лунского. — А.А.) произошел раскол: аристократы отделились и создали свою особую, т. н. «Гружскую колонию». Председатель (Дубровницкой. — А.А.) колонии, члены Правления и секретарь избирались сроком на год. В первые годы пост председателя и члена Правления колонии был почетным. Позднее, по мере того, как белогвардейцы приобретали югославское подданство и стали уходить из колонии и покидать Дубровник, в т. н. «Русском доме», состоящем на попечительстве колонии, осталось всего лишь около 40 материально необеспеченных и больных. Выполнять должность председателя стало труднее, и никто охотно ее не принимал. Перед войной 1941 г. было принято решение, согласно которому председателями должны были стать по очереди каждый член колонии, на определенный срок. Наряду с председателем избирались товарищ председателя и секретарь, исполняющий и обязанности счетовода. Эти трое составляли Правление колонии.

Печать Правления русской колонии в Дубровнике

В момент основания Русская колония в Дубровнике насчитывала около 900 человек, но уже в первые годы ее численность резко сократилось, так как члены колонии выселялись в другие районы Югославии или уезжали за границу.

Уже в 1924 г., после отбытия значительной части белоэмигрантов во Францию (на пароходе «Св. Лазарь»), в Дубровницкой колонии осталось примерно 350 членов. Отток русских из Дубровника продолжался, некоторые скончались, другие приобретали гражданство и выходили из членства колонии. Перед войной 1941 г. в членах колонии состояло всего 84 русских.

В первые годы колония создала свою любительскую театральную труппу и Русский дом. Вскоре труппа развалилась, но в рамках колонии и далее устраивались театральные представления и литературные чтения. На этих спектаклях шли пьесы русских писателей, а на литературных вечерах читались произведения русских писателей, которые сопровождались прениями. Устраивались и академии, связанные с юбилеями писателей-классиков. Широко было отмечено 100-летие со дня гибели Пушкина. Спек-

³⁸ Николай Иванович Лунский (1870–1937), генерал-майор. Скончался в Русском хирургическом госпитале в г. Панчево, похоронен на Новом кладбище в Белграде.

такли и академии в Русском доме посещало и местное население, обязательно присутствовал и представитель администрации области. Целью этих мероприятий было сохранение у русских национального самосознания и ознакомление граждан Дубровника с русской культурой.

Вскоре после возникновения колонии была создана и Русская библиотека. Каждый эмигрант передал в ее фонды привезенные с собой книги. Библиотека насчитывала около 3 тыс. томов. Книги приобретались и за счет членских взносов; преимущественно это были произведения русских писателей. Отдельных помещений для хранения фондов и читальных залов не было, книги брали и читали на дому. Библиотека выписывала русскую заграничную периодику.

В Русском доме жили пожилые и необеспеченные белогвардейцы, вначале их было 40 душ. При Доме была русская столовая, которую содержал некий Котов, выделявший Колонии определенный процент и оплачивавший снимаемые у колонии помещения. Услугами столовой имели право пользоваться только белоэмигранты, проживающие в Дубровнике, или приезжие русские. В помещениях Русского дома Яков Гусев в своем стоматологическом кабинете лечил только русских. Тут размещалась и Русская церковь, но своего священника не было, и по временам служил православный священник Бошко Митрович³⁹ из Дубровника. Русский дом был собственностью Русской колонии.

Известно, что 11 августа 1921 г. председателем Русской колонии был избран Николай Хомяков, бывший председатель Государственной думы, который на этом посту оставался короткое время. После него председателем колонии был граф Олсуфьев⁴⁰, вскоре переехавший во Францию, а после него инженер Свиягин⁴¹, до 1924 г., когда он уехал в Китай, в Шанхай, по приглашению одного китайского предпринимателя, так как еще в императорской России строил там железную дорогу. После Свиягина председателем был избран «князь» Чагодаев, т. е. не князь, а старшина из одной деревни на Кавказе, которого с пренебрежением величали «князем». После него, в 1925 г., этот пост занял Колгин, преподаватель иностранных языков в Дубровнике. Он состоял председателем два года, а в 1928 г. им стал Яков Сергеевич Гусев. Приняв югославское подданство, он вышел из состава колонии. На пост председателя был избран Владимир Стреха, бывший полковник, из состоятельной семьи, владелец обширных земельных участков в императорской России. Он любил выделяться и держал себя надменно, был дерзким, самолюбивым, старался принимать участие в различных мероприятиях и присутствовать на приемах видных жителей Дубровника; пользовался некоторым авторитетом среди русских, в особенности среди нуждающихся, так как был неутомим в обивании чужих порогов и изыскании помощи бедным. На посту председателя колонии он пробыл до 1932 г., скончался перед войной, в Дубровнике (в 1937 г. — А.А.). После него председателем был избран Евгений Востросаблин, чиновник городского управления. Умер он в 1946 г. До оккупации страны председателем состоял Павел Стреляев. После войны он не покинул Дубровник и далее давал уроки иностранных языков.

³⁹ Настоятель православного храма Св. Благовещения в Дубровнике протоиерей Божидар Митрович (1880–1967) отпевал и хоронил всех православных русских, скончавшихся в Дубровнике и окрестных местах.

⁴⁰ Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862–1930), член Государственного совета, знакомый Л. Н. Толстого.

⁴¹ Николай Сергеевич Свиягин, инженер путей сообщения.

Русская колония в Дубровнике, около 1930 г.
(В белом кителе сидит председатель колонии, полковник В. Н. Стреха)

Библиотекарем Русской колонии был Михаил Петрович Черников, выпускник духовной академии в России, а в Дубровнике псаломщик и регент хора при православном храме. В межвоенный период ему было предложено место преподавателя греческого и древнееврейского языков в университете, но он отказался. Умер в Дубровнике (в 1932 г. — А.А.).

Русская колония в Дубровнике была официальным учреждением, которое оказывало помощь государственным властям в ведении учета о русских эмигрантах. Колония была самостоятельная, но находилась под надзором местных органов власти. Работу колонии контролировал и приезжающий из Белграда «русский делегат» при Государственной комиссии по оказанию помощи русским беженцам, Василий Николаевич Штрандтман. В 1921 г. Русская колония распределяла денежную помощь всем эмигрантам, полученную от этой комиссии, в объеме 240 динаров в месяц. Правда, она поступала лишь в течение одного года, а потом была отменена и выдавалась в заниженном объеме лишь нуждающимся, больным и престарелым.

Русская колония Груж

Гружская колония возникла первой на территории Далмации, в марте 1920 г., когда в Дубровник и его пригород, порт Груж, прибыло, группами или в одиночку, примерно четыре десятка семейств из России, всего около сотни душ. Все они покинули страну при т. н. «Новороссийской эвакуации», последовавшей после поражений армии генерала Деникина, и через Константинополь прибыли в нашу страну. Почти все были дворянского происхождения или из буржуазных кругов общества. Они привезли с собой значительные капиталы и драгоценности, т. е. владели средствами и не нуждались в какой-либо помощи.

Их колония была первой в Дубровнике, но когда в декабре 1920 г. в Дубровник прибыл транспорт «Сигет» с эмигрантами из Крыма, в городе была создана и местными властями официально зарегистрирована новая дубровницкая колония. Раздоры, возникшие между новоприбывшими и ранее прибывшими эмигрантами, привели к рас-

колу: аристократы вышли из дубровницкой колонии и создали свою, «Гружскую русскую колонию», хотя все они обосновались в самом Дубровнике.

Первым председателем этой колонии был избран Шильдер-Шульднер, бывший губернатор Архангельска (так! — А.А.), известный как страстный игрок и пьяница, впрочем, сметливый и умный человек. После двух мандатов его сменил Евгений Иванович Звегинцев, бывший губернатор и весьма богатый человек, уехавший затем в Париж, где он и скончался. После него пост председателя занимал Максимилиан Феликсович Климович, вплоть до упразднения колонии в 1931 г.

Следует сказать, что эта, последняя, колония не проявляла какую-либо деятельность, и у нее не было своих помещений. Число ее членов тоже уменьшалось с 50-ти на 10–12 членов, перед ее расформированием в 1931 г., когда все они примкнули к Дубровницкой колонии.

Члены Гружской колонии считали себя выше других русских и не желали иметь чего-либо общего с ними. Дворяне говорили между собой на французском языке, ничем не занимались, были при деньгах и жили в гостиницах. Встречались они чаще всего в дубровницком Французском клубе.

Со дня своего основания и до расформирования Гружская колония не была зарегистрирована у югославских властей, но делегат Штрандтман признавал ее и навещал. Несколько раз он приезжал в Дубровник для урегулирования распрей между колониями. Штрандтман не имел права упразднить Русскую колонию в Дубровнике, так как она состояла из большого количества членов и была зарегистрирована, а Гружскую колонию он не желал игнорировать из-за услужливости перед аристократией, к которой сам принадлежал.

Деятельность Гружской колонии ограничивалась редкими случаями выдачи удостоверений, связанными с получением разрешения на продление проживания или поступления на работу. В последние годы своего существования эта колония собирала средства от своих состоятельных членов и оказывала материальную помощь нуждающимся русским, не состоящим членами их колонии. Постепенно большинство из них выехало во Францию⁴².

Жизнь и культурная деятельность русских в Дубровнике

В первые месяцы 1921 г. несколько русских интеллигентов группировались вокруг С. М. Власьева, редактора-издателя русской еженедельной газеты «Русский листок» (редакция и контора: Дубровник, Мол, Сербская типография). Вышло всего четыре номера: первый — 15 января, четвертый — 5 февраля 1921 г. Исследователи установили, что это была единственная русская эмигрантская газета, которая на русском языке выходила в Хорватии⁴³.

В первом номере содержалось трогательное обращение. Приводим его полностью:

«Братьям Славянам.

Вынужденные покинуть свой родной кров, мы, дети поруганной и разграбленной России, пришли искать приюта у вас, наши дорогие братья.

Сегодня выходит на Приморские берега гостеприимной и родной нам Юго-Славии первый номер русской газеты.

⁴² Elaborat... S. 58–62.

⁴³ Lukšić I. Kulturna djelatnost ruskih emigranata u Hrvatskoj između dva rata // Quorum. Zagreb, 1985. Br. 2 (dvije točke). S. 47.

Газета, из-за финансовых затруднений, не могла выполнить амбициозно поставленные перед собой цели: «Приступая к изданию «Русского листка», редакция ставит своей посильной задачей прийти на помощь русским эмигрантам в Сербии в смысле ознакомления их со всеми касающимися их распоряжениями русского и сербского правительств, а также указания всех тех организаций и обществ, которые имеют прямое или косвенное отношение к русским беженцам в Юго-Славии»⁴⁵.

Эту миссию в 1920–1930-е гг. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев выполняли белградские периодические издания русской эмиграции⁴⁶.

Помимо очерков «Где наша база» полковника Генерального штаба Алексея Лазаревича Марьюшкина, «Русская совесть» Владимира Павловича Руадзе, статей Вронского и «Обозревателя» (псевд.), дубровницкий «Русский голос» в своем первом выпуске перечисляет членов Правления Дубровницкой колонии (до ее раскола): Николай Юрьевич Шильдер-Шульднер (председатель), Александр Николаевич Коссаговский (товарищ председателя), Василий Михайлович Терентьев, Михаил Михайлович Ремер (заведующий продовольственным отделом), Владимир Петрович Глиндский (заведующий отделом труда и просвещения), Алексей Иванович Пыхтеев (казначей), Николай Иванович Руженцев (секретарь).

В третьем выпуске от 29 января 1921 г. газета извещает о результатах избрания нового Правления колонии, проведенного на Собрании, состоявшемся 23 января, на котором присутствовало около 350-ти беженцев. Снова были избраны тот же председатель и большинство прежних членов Правления, с привлечением новых членов из группы новоприбывших русских, разместившихся в крепости Ревелин (барон Фиркс, В. Б. Фирсов, И. И. Мельников, В. В. Плонский, К. Х. Пекарский, А. Б. Беляков).

Группа бывших студентов Императорского Московского университета в день памяти Св. Мученицы Татьяны, 25 января 1921 г., в 166-ю годовщину основания старейшего русского университета, устроила в ресторане «Босния» товарищескую беседу. В целях дальнейшего объединения было избрано бюро в составе председателя Юрия Юрьевича Рафальского и членов графа Дмитрия Адамовича Олсуфьева и Николая Федоровича Акаевова⁴⁷.

В статье «Театр и музыка», опубликованной в первом выпуске газеты, читаем: «Н. Н. Станковым организована здесь оперная труппа, в состав которой вошли артистки Петроградской музыкальной драмы А. Милич (сопрано), Московской оперы Зимина Е. Морозова (меццо-сопрано), Н. Баранов (баритон) и др. Труппа концертирует с декабря прошлого года и в ближайшее время ей предложено поставить здесь в городском театре «Евгения Онегина» (отдельные сцены). Ожидается прибытие гастролеров из Белграда. Товарищество драматических артистов под управлением С. М. Витимова наметило к постановке целый ряд художественных инсценировок и миниатюр. С этой целью товариществом сняты подходящие помещения. Поставленный 31-го декабря нов. ст. Товариществом в зале «Сокол» концерт прошел с большим успехом. Зал был переполнен. После концерта состоялся танцевальный вечер с большим оживлением. Много внесла оживления местная молодежь»⁴⁸.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Качаки *Ж.* Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. Друго, допуњено и прерађено издање. Београд, 2003.

⁴⁷ Русский листок. 1921. № 3. 29 июня.

⁴⁸ Там же. № 1. 15 января.

На одном «балу» в Дубровнике дети русских беженцев представили аллегорическую живую картину современной России⁴⁹. В. П. Руадзе, русский беженец, который в Дубровнике занимался публицистической деятельностью и писал стихи, в белградской «Иллюстрированной газете» опубликовал исторический очерк «Княжна Тараканова» с рисунками русского художника «D-j» (Ивана Петровича Дикого, 1896-1990)⁵⁰.

В прессе 1921–1922 гг. встречается сравнительно мало данных о русской эмиграции в Дубровнике: В мае 1921 г. в крепости Ревелин созданы «Русский дом» и «Русский Красный крест»⁵¹.

«*Самоубийство*. В самый день Св. Влаха (Св. Власия, патрона Дубровника. — А.А.), около 10-ти часов до полудня посягнул на свою жизнь солдат, русский, Белевский, на службе в отряде пограничной стражи, расположенной на острове Локрум. Застрелился из пистолета, пулей в голову. В прощальном письме сообщил, что пошел на этот шаг, так как ему наскучила такая жизнь скитаний вне родины. Покойный был беженцем, из Армии Врангеля, молод, 26-ти лет, в нашу службу был принят солдатом»⁵².

«Графиня Елизавета Уварова проживает в монастыре Св. Иакова, в районе Плоче»⁵³.

«*Лекция в Югославской матице*. В воскресенье, 28 мая в 11 часов в Сокольском доме господин Николай Клименко прочитает лекцию «Всеславянский вопрос и большевизм». Госп. Клименко русский человек, передовых взглядов, лектор и литератор. Автор ряда повестей и романов, один из которых удостоен приза Российской академии»⁵⁴.

«*Гонки казаков*. В воскресенье после полудня, при большом скоплении публики на Гружском поле, казаки устроили конные гонки и в галопе исполняли бравады; с ними в этом никто не может равняться»⁵⁵.

«Союз русских офицеров в Дубровнике горячо благодарит всех господ, присутствовавших на благотворительном вечере в пользу создания Фонда помощи Союзу русских офицеров»⁵⁶.

«*Визит Короля*. Дубровник, 9 июня 1922 г. Если не считать многочисленных иностранцев (в особенности русских и чехов), в городе сегодня проживает 18 тыс. жителей. (...) В православном храме служба. Русские, составляющие ядро хора, пели великолепно. Вместе с нашим священником чинодействовал и один русский епископ»⁵⁷.

«*Генерал Врангель в Дубровнике*. Местная русская колония представилась генералу; позавчера вечером чествовали его в Русском доме, в районе Плоче. Ознакомившись с достопримечательностями города, он отбыл вчера»⁵⁸.

В конце ноября 1922 г. из Константинополя в Дубровник прибыл войсковой атаман Терского Казачьего Войска генерал-лейтенант Герасим Андреевич Вдовенко, с супругой Раисой Андреевной, дочкой Ириной и личным адъютантом есаулом Лялякиным. 2-го декабря атаман приобрел дом в районе порта Груж (Villa Missoni), в котором поселилась его семья и несколько русских беженцев. Управляющим виллой назначен

⁴⁹ Илюстровани лист. 1921. Бр. 18. С. 3.

⁵⁰ Там же. 1921. Бр. 19, С. 11.

⁵¹ Новое время. (Белград). 1921. № 35. 5 июня.

⁵² Dubrovnik. Odbor Narodne radikalne stranke. Dubrovnik, 1922. Br. 11. 8. februar.

⁵³ Там же. 1922, br. 27. 5. april.

⁵⁴ Там же. 1922, br. 41. 24. maj.

⁵⁵ Там же. 1922, br. 43. 1. juni.

⁵⁶ Там же. 1922, br. 46. 10. juni.

⁵⁷ Политика. Београд, 1922. Бр. 5075. 22. јуна.

⁵⁸ Dubrovnik, 1922. Br. 78. 4. oktobar.

Иван Петрович Барандин. До скорого переезда атамана в Белград, в 1923 г. в Дубровнике состоялось несколько заседаний Войскового Правительства Терского Казачьего Войска, на которых, помимо атамана, принимали участие Е. А. Букановский (председатель) и члены Правительства Д. С. Писаренко, Генштаба полковник Г. С. Хутиев⁵⁹. Атаман Г. А. Вдовенко в Дубровнике издал и ряд приказов⁶⁰ (Государственный архив в Дубровнике хранит часть архива Канцелярии Войскового Правительства и бумаг Войскового атамана Терского Казачьего Войска за 1916–1944 гг.).

В Дубровнике действовали: амбулатория Русского Красного креста⁶¹, комитет Общества помощи русским беженцам,⁶² а в 1930-е гг. Дамский комитет помощи престарелым русским⁶³. Медицинскую помощь оказывали врачи Мыльников, Иванов, Говсеев, Чекалин, Гарнич-Гарницкий и Коснечов.

В 1920-е гг. русские эмигранты, проживавшие в Белграде, создали многочисленные военные и политические организации с филиалами в провинции. Председателем Союза монархистов-легитимистов в Дубровнике был граф Сергей Сергеевич Толстой-Милославский (1850–1925)⁶⁴, а представителем Боснии, Герцеговины, Далмации и Черногории от имени вел. кн. Кирилла Владимировича Романова (претендента на Российский престол) был житель Дубровника Александр Аркадьевич Столыпин (1863–1925)⁶⁵. В Дубровнике существовали отделы Русского трудового христианского движения (РТХД, председатель Борис Адольфович Изнар), Общества Галлиполийцев и Союза русских военных инвалидов (25 членов).

Благодаря стараниям В. Д. Брянского, председателя Всероссийского союза городов (ВСГ) и бывшего московского товарища городского головы, уже в 1920 г. в городах Королевства сербов, хорватов и словенцев было основано 14 русских «детских садов» (включая Дубровник), для детей 4–10 лет, которые в них оставались весь день под надзором воспитателей и учителей. Детям старше 6-ти лет предоставлялась возможность получения начального образования. В 1923 г. школьная группа в Дубровнике насчитывала 30, а 1 января 1924 г. — 18 учеников. Эта русская начальная школа была закрыта в 1925 г.⁶⁶

В начале 20-х гг. в Дубровнике было создано звено русских скаутов-разведчиков, которым руководил юный князь Алексей Игоревич Уваров (1909–1987).

Банкир из Эстонии Вильгельм Зимдин (Zimdin) выстроил роскошную виллу «Шехерезада» в восточном стиле, с голубым куполом, которая и сегодня украшает панораму морского берега дубровницкого района Плоче⁶⁷.

⁵⁹ См.: Журнал № 4 заседания Войскового Правительства Терского Казачьего Войска, 26 января 1923 г. в Дубровнике, под председательством Войск. Атамана ген.-лейт. Вдовенко // Državni arhiv u Dubrovniku. Fond »Ruski spisi«, kutija 3.

⁶⁰ Приказ Войск. Атамана Терского Казачьего Войска № 2, от 22 февраля 1923 г., Сербия (sic!), г. Дубровник // Državni arhiv..., kutija 2.

⁶¹ Новое время. 1924. № 927. 29 мая.

⁶² Dubrovnik, 1922. Br. 5. 14. januar.

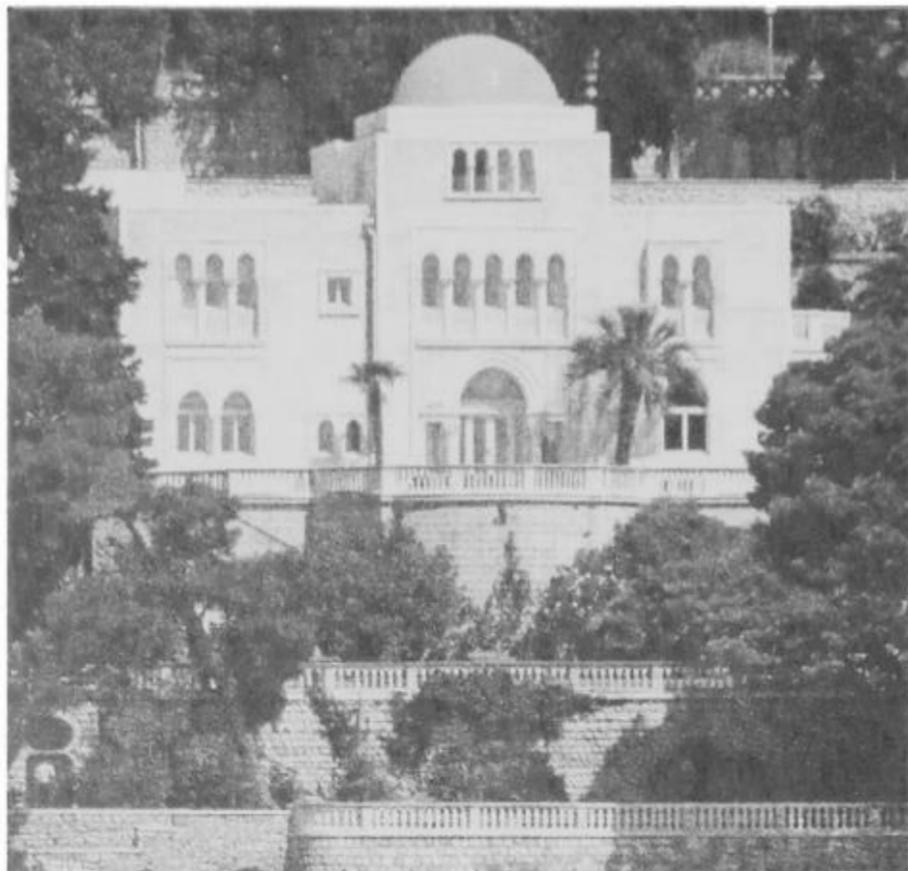
⁶³ Там же. 1937. Br. 12. 24. april.

⁶⁴ Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 28.

⁶⁵ Там же. 1924. № 22; № 48; № 66.

⁶⁶ Тома Миленковић. Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд, 2004. С.27,44.

⁶⁷ Проект венского архитектора Альфреда Келлера (1875–1945); строительство виллы было окончено в 1929 г. Вильгельм-Виллиам Зимдин скончался в 1951 г. в г. Санта-Барбара (Калифор-

Вилла «Шехерезада» в Дубровнике

Из образованных и находчивых русских людей в Дубровнике хорошо устроились профессор местной Военно-морской академии, вице-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов (1883–1953), врачи Сергей Николаевич Козенцов, Михаил Сидоренко-Усатый и Алексей Чекалин (занимался частной практикой в палатце «Бизарро», за римско-католическим собором), собственники завода по переработке мяса и производству льда Свечин и Попов, чиновники в Управлении строительными работами — инженеры Альфред Карлович Кларэ, Федор Васильевич Горячковский и Николай Александрович Нандельштедт. В местной гимназии в 1920–1930 гг. преподавали: Василий Альтов (математику), Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (французский язык) и Владимир Курагин (пение; руководил гимназическим оркестром, был регентом хора), в музыкальном училище — Алексей Сафонов. Преподавательской деятельностью занимались и Валентин Осипович Абрамов, Владимир Лебедев. Псаломщиком и регентом православного храма Св. Благовещения был Михаил Петрович Черников.

По своей специальности на работу устроились ветеринарный врач Михаил Васильев, агроном Петр Михайлович Кузнецов, инженеры Владимир Васильевич Беляев, Михаил Николаевич Голиков, Анатолий Викторович Половцов, Владимир А. Бирюкович. Окончив курсы, шоферами стали офицеры и казаки — И. Н. Волокатын, Б. В. Люблинский, В. В. Пенезов, А. Д. Пивоваров, И. Я. Слюсарев; плотником промышлял И. Н. Яковлев, сапожником — А. А. Соколов.

Бывший военный чиновник Созонт Данилович Лысяк в 1920-е гг. безработным жил в Дубровнике. В 1939 г. он принял монашество и как игумен Савва своей подвижнической деятельности снискал любовь окрестного населения (скончался он в 1952 г.).

Культурную жизнь крупного сосредоточения русских на чужбине нельзя себе представить без театральной деятельности. В начале 1920-х гг. в Русском доме в Дубровнике давались любительские театральные представления на русском и на хорватском языках. В одной театральной рецензии, опубликованной в дубровницкой прессе, обнаруживаем и отзывы местного населения о пришельцах:

ния). После 2000 г. владельцем виллы стал чилийский миллиардер Андронико Лукшич (умер в 2005 г.).

«Русский театр в Дубровнике. Если среди русских насельников нашего города имеются такие, которые, в силу своего образа жизни, не заслуживают сострадания, значительно большее число из них тихие страдальцы, которые тяжело и стойко переносят свои бедствия вне родины, в недугах трудятся, по мере своих сил, чтобы выжить. Именно такие и основали театральную труппу, вернее импровизировали что-то наподобие театра, в крепости Ревелин, чтобы честным путем добыть кое-какие средства на проживание. Следует отметить, что их уровень выше уровня любительской труппы, они намечают ставить и таких драматургов, как Островский. Заслуживает похвалу не один этот шаг русских, а внимание и помощь, оказываемые местным населением, чем на деле подтверждается их отношение к пострадавшим братьям. Спектакли идут по воскресеньям, с 7-ми часов вечера. Вход свободный, без пригласительных билетов»⁶⁸.

«Русский театр в Ревелине все нагляднее свидетельствует о своем высоком уровне художественного развития, выросшем за сравнительно такой короткий срок. Наряду с другими удачно поставленными пьесами, которые уже шли на русской сцене в Ревелине, отметим две: «Веру Мирцеву» Урванцева и «Мысль» Леонида Андреева. Особо отметим артистов Надежду Павловну Макшееву и полковника Без-Корниловича»⁶⁹.

В конце февраля 1923 г. Русский любительский театр поставил «Приглашение» Чехова «не на русском, а на нашем языке»⁷⁰, а в середине марта 1923 г. на русском языке был показан чеховский «Вишневый сад». Играли госпожи Азанчевская, Трунова, Шумилина, Шелудякова, Макшеева, господа Дмитриев, Трунов, Дементьев, Без-Корнилович, Юрьев, Беляев и Шелудяков⁷¹.

Русское исполнительское искусство в Дубровнике было представлено и гастролями русских артистов из Белграда, Сараево, даже из-за границы. В марте 1923 г. «Большой оперный и камерный концерт в Офицерском доме дала Ада Полякова, солистка Петербургской и Одесской оперы, выступавшая в Белградской и Загребской опере»⁷². В апреле 1923 г. «Оперный вечер в Театре Бонди дала Елизавета-Лиза Попова, примадонна Белградского театра, вместе с нашим земляком, тенором Иво Патистичем в присутствии Ее Величества Королевы Марии»⁷³. Баритон Белградской оперы Павел Холодков в 1924 г. выступил на сольном концерте, а в мае 1924 г. «Пражская труппа» Московского художественного театра показала свои постановки: «Село Степанчиково», «Поединок жизни», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад».

Белградский театральный журнал «Comœdia» выразил удивление: «Человек может не поверить: дубровницкая пресса отметила равнодушие широкой публики (...), когда как мы не можем умолчать о том, что дубровницкая молодежь с восхищением приветствовала великих славянских мастеров, как в зале, так и перед зданием театра»⁷⁴.

Актриса Мария Николаевна Германова вспоминала об этих гастролях: «Удивительно красиво и поэтично было в Рагузе. Сам город как поэма из розового мрамора, с тихими задумчивыми площадями и дворцами на берегу лазурного моря. Крутом мягкие очертания гор, пышные декоративные южные деревья, все как в сказке или в древней греческой поэме. И сколько цветов. После спектакля нас так забрасывали цветами, что

⁶⁸ Dubrovnik, 1922. Br. 90. 30. novembar.

⁶⁹ Там же. 1923. Br. 1. 5. januar.

⁷⁰ Там же. 1923. Br. 8. 23. februar.

⁷¹ Там же. 1923. Br. 15. 6. april.

⁷² Там же. 1923. Br. 13. 23. mart.

⁷³ Там же. 1923. Br. 16. 13. april.

⁷⁴ Comœdia. Београд, 1924. Br. 19. 11. maja. С. 14–15.

невозможно было двинуться, чтобы не наступить на благоухающие розы и нарциссы. Туда я выписала сыночка, и мы вместе встретили там Пасху и наслаждались этим счастьем и этим городом, и морем, и цветами, и прогулками в этом ароматном городе, и апельсинами, и вкусным сладким вином, и лаской очаровательного, старомодного общества рагузцев. Театр, в котором мы играли, был построен над древними тюрьмами, и наши уборные были в подземных одиноких клетках, маленькие, без окон, с крошечной дверью и толстыми стенами. Были мы и на вилле Таракановой»⁷⁵.

Жителям Дубровника, а также местным журналистам, трудно было разобраться в титулах российских сановников (установившихся еще со времен императора Павла I), русские беженцы их не замалчивали во время своего, как они думали, временного пребывания в эмиграции. Приводим один текст их прессы тех лет: «А в прошлое воскресенье в Офицерском доме выступил г-н В. Звегинцов, бывший надзиратель конюшень блаженнопочившего царя Николая (дворцовая служба, по-русски — Stallmeister, в подчинении у верховного надзирателя конюшень, по-русски — Oberstallmeister), прочитав очень интересную лекцию о последних днях жизни царя Николая и царской семьи, основывающуюся на новейших публикациях, вышедших в Лондоне, Париже и Берлине... Лекция прошла при полном зале, в котором сидели русские и местные жители, владеющие русским языком»⁷⁶.

Отдыхая летом 1929 и 1930 г. в Дубровнике, режиссер белградского Национального театра Юрий Львович Ракитин через свою призму художника присматривался к русским, проживающих в крепости Ревелин. Он намеревался написать пьесу из эмигрантской жизни, а в своем дневнике 26 июля 1930 г. записал: «Думаю о пьесе. Действие происходит в дубровницком Русском доме, в залах крепости Ревелин. Тут разместились эмигранты, после высадки с парохода. Годы идут, а они и далее живут тут, проводят дни в рассуждениях, воспоминаниях и грезах. Бездеятельная эмиграция! Обуреваемые ссорами, интригами, непримиримые друг к другу. Революция опустошила их души, ничего сами не умеют, вернее не могут. Варятся в собственном соку. Герои моей драмы в основном народ положительный, сердца благородного. Или это аристократизм, до которого уже никому нет дела и с чем трудно примириться, или их всех разъедают сплетни — вторжение действительности. Основной их порок — отсутствие воли»⁷⁷.

Интересный факт отметили русские обитатели Дубровника: Переименованный в «Куманово», бывший пароход Черноморского пароходства «Великий князь Александр Михайлович», один из самых лучших пароходов, ходивший по российским «ривьерам» (Одесса — Севастополь — Ялта — Новороссийск — Туапсе — Сочи — Гагры — Батуми), в 1920–1930-е гг. ходил из Дубровника в Триест, через Сплит и обратно. Какими-то судьбами он попал в руки итальянцев, был куплен Югославией и стал обслуживать ее самый парадный морской рейс.

В середине 1930-х гг. культурная жизнь русских в Дубровнике ожила и протекала в помещениях Русского дома, который года за два до этого из Ревелина перебрался на улицу Пиле (дом № 3). Остановившийся на несколько недель в Дубровнике в 1934 г. в этих помещениях прочитал три лекции⁷⁸ проф. Иван Александрович Ильин (1882–1954), известный философ, теоретик религии и культуры.

⁷⁵ Германова М.Н. Мой ларец // Диаспора. Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 66.

⁷⁶ Dubrovnik, 1923. Br. 28. 19. oktobar.

⁷⁷ Арсењев А. Ракитин међу руским емигрантима // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. 16-17. Нови Сад, 1995. С. 254.

⁷⁸ Штампa. Београд, 1934. 27. септембар.

В начале того же, 1934 г., Русскую колонию в Дубровнике посетил архиепископ Харбинский и Маньчжурский Нестор. Он отметил: «В Дубровнике находится до 300 человек русских. Центром их культурной и общественной жизни является Русский дом, в котором есть общежитие для неимущих, общественная столовая и зал для собраний. Там я читал свои лекции о Дальнем Востоке»⁷⁹.

В 1935–1936 гг. Русским домом управлял Валентин Осипович Абрамов. В 1937 г. колония торжественно отметила 100-летие со дня гибели Пушкина⁸⁰; в 1938 г. — 20-летие убийства императора Николая II⁸¹, в день Св. Владимира — 950-летие Крещения Руси⁸²; в октябре 1938 г. состоялись два гастрольных вечера известной актрисы Марии Ведринской⁸³. В те годы в Русском доме устраивались русско-югославские литературные встречи — воскресные посиделки, на которых председательствовал Востросаблин, новый заведующий Русским домом. Господа Руадзе и Дмитриев, обычно на русском языке, читали свои юмористические рассказы и стихи, а проф. Божо Бубало, проф. Яков Царич и Франьо Симоне читали и декламировали произведения Мажуранича, Нушича, Шеноа, Й. Й. Змая, Кочича, Ильича, Назора и др.:

«Литературный вечер в Русском доме. В воскресенье, 22 мая, в помещениях Русского дома состоялся 8-й русско-югославский литературный вечер. Проф. В. О. Абрамов познакомил нас с биографией и деятельностью скончавшегося в Дубровнике художника-мариниста Алексея Ганзена, затем литератор г-н Руадзе с подъемом прочитал несколько своих стихотворений, г-н Божо Бубало ознакомил русскую публику со стихотворениями Воислава Ильича, предварительно сопроводив их анализом на русском языке. Г-н Дмитриев очень выразительно прочитал один рассказ Чехова, г-н Франьо Симоне закрыл вечер чтением произведения «Чума» Августа Шеноа и одного стихотворения Йована Йовановича Змая»⁸⁴.

Григорий Спиридонович Петров

Первым русским-беженцем, снискавшим симпатии у жителей Дубровника, был Григорий Спиридонович Петров (1868–1925) — проповедник, защитник моральных устоев. Четыре раза он побывал в Дубровнике: в январе-марте и октябре 1922 г., когда прочитал около десяти лекций на темы: «Душа русского народа», «Три гения искусства (Рафаэль, Микеланджело, Леонардо)», «Достоевский и достоевщина», «Люди Солнца», «Воспитатель народа (Безумный профессор)», «Поиски людей (Социализм как противоположность свободе человека)». Читал он их в зале Сербского певческого общества «Слога», в женской учительской семинарии и в Сокольне: «Удивительное влияние на публику оказывает этот человек. Появляется внезапно, сообщит о своем прибытии одному-двум представителям из наших культурных учреждений, и в мгновение ока весь Дубровник знает, что он тут, спешит послушать его»⁸⁵.

«Вопреки тому, что он все еще не овладел нашим языком, все-таки своей красивой и внятной дикцией ему удастся привлечь публику на свою сторону, которая дарит его бурными аплодисментами. Необходимо отметить, что мало лекций в Дубровнике оказало такое глубокое и чистое воздействие на слушателей, как лекция г-на Петрова. Он,

⁷⁹ *Архиепископ Нестор. Очерки Югославии: Впечатления путешествия. Харбин, 1935. С. 63.*

⁸⁰ *Dubrovnik, 1937. Br. 35. 25. septembar.*

⁸¹ Там же. 1938. Br. 29. 23. juli.

⁸² Там же. 1938. Br. 31. 6. avgust.

⁸³ Там же. 1938. Br. 40. 8. oktobar; Br. 41. 15. oktobar.

⁸⁴ Там же. 1938. Br. 47. 26. novembar.

⁸⁵ Там же. 1922. Br. 78. 4. oktobar.

который говорил о гениях искусства как посланниках красоты, радости, правды, сам является Прометеем, несущим огонь с неба на землю, своими теплыми словами обогревает и освещает тьму жизни.

Художник, это дитя неба на земле. Он стремится вознести жизнь к небу. Не жизнь должна быть содержанием художнику, а сам он должен вносить новое содержание в жизнь... Если Леонардо сопоставим с горой Монблан, Микеланджело — с вулканом, тогда Рафаэль — ясный, жизнерадостный летний день.

Такое может высказать лишь великая душа русского народа — Богоносца»⁸⁶.

Дубровницкая пресса публиковала выдержки и сюжеты лекций Г. С. Петрова: «Достоевский и достоевщина... Если Фауст — трагедия ума, то герои у Достоевского переживают еще более глубокую трагедию жгучей жажды гармонии, трагедию совести... Русским людям Учение Христа пришло из уже разлагающейся, вырождающейся Византии, которая извратила и представила Бога не как Бога живых и счастливых (как об этом свидетельствует Евангелие), а как Бога жалких, униженных рабов. Это оказало существенное влияние на душу русского народа, и в ней, в силу переживаемых столетних гнета и мук, родилась достоевщина — немощь сопротивления злу, вполне осознаваемому»⁸⁷.

Григорий Спиридонович был противоречивой личностью, с интересной биографией. Он происходил из бедной семьи, по окончании четырех классов гимназии поступил в семинарию, окончил духовную академию. От природы талантливый, в Петербурге он в кратчайший срок снискал славу великолепного проповедника, к которому прислушивались все слои общества от бедноты до великих князей. По всей России он прочитал свыше 9 тыс. проповедей. Его гуманными идеями и поступками увлекался юный Максим Горький. Петров был известен и как автор книг и дешевых брошюр на философские, богословские и политические темы. За свои демократические идеи подвергался преследованиям. Его обвиняли в том, что его газета «Правда Божия» направлена против устоев Российского государства, особенно в отношении частной собственности, власти и духовенства. Как публициста, его упрекали в проповедовании социализма и анархизма, в распространении ложной христианской веры. Ему, любимцу масс, в 1903 г. запретили публично выступать. В начале 1907 г. клевета на него достигает апогея, и церковные власти высылают его в отдаленный монастырь.

Перед выборами в Государственную думу (второго созыва) кадетская партия назначает его своим представителем от Петербурга. За свою политическую деятельность и свободомыслие, в особенности по религиозным вопросам, Синод Русской церкви лишает его духовного звания.

Г. С. Петров встречался с Толстым, Чеховым, Блоком, Чуковским, Репиным. У него была дача в Коктебеле, в Крыму, недалеко от дома Максимилиана Волошина, под кров которой собирался артистический цвет обеих столиц. Тут, вместе с Петровым, бывали Цветаева, Мандельштам, Алексей Толстой и многие другие.

Трудно установить, когда и как он прибыл на Балканы, но еще в 1914 г. в Дубровнике распространились слухи о том, что Петрову запретили ходить в рясе, что он помышляет путешествовать по Сербии и Болгарии, пропагандировать реформу Православной церкви.

И действительно, Петров прибыл на Балканы и объездил многие города и деревни. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев он выступал с лекциями (их было около полутора тысячи), распространяя идеи о труде, здоровье, книге, радостях жизни. Тут

⁸⁶ Там же. 1922. Вр. 11. 8. februar.

⁸⁷ Там же. 1922. Вр. 28. 8. april.

о нем уже знали до Мировой войны, переводили и публиковали его труды в виде брошюр — в Белграде (1906, 1912), Пожареваце (1910), в Сараево (1912), даже в Дубровнике⁸⁸. Во время его недолгого пребывания в нашей среде опубликовано около 30-ти его книг, в Белграде, Нови-Саде, Сараево, Великом Бечкереке, Сплите, Мостаре... Некоторые из них выдержали даже по четыре издания.

Сербское издание труда Г. С. Петрова в Дубровнике, состоящем еще в составе Австро-Венгрии

Петров серьезно заболел. После неудачных операций в Панчево и Белграде, нашлись люди, которые собрали достаточно средств для продолжения его лечения в Париже. Там Петров и скончался, не дождавшись очередной операции. Останки его перевезены в Сербию и похоронены в Нови-Саде, где проживали его супруга и дочь, а около 1970 г. его останки перевезены в Германию и перезахоронены в Мюнхене.

Сегодня трудно установить, был ли в марте 1922 г. беспристрастен дубровницкий журналист, когда писал: «Мы уверены в том, что не преувеличиваем, утверждая: лекции г-на Петрова являются самыми торжественными и возвышенными проповедями, когда-либо услышанными в Дубровнике»⁸⁹.

Александр Васильевич Соловьев — историк Дубровника

Несколько русских ученых-эмигрантов работали в известном Дубровницком архиве, изучая дубровницко-русские связи и историю Дубровницкой республики. Наряду с профессором Евгением Васильевичем Аничковым, профессором Федором Васильевичем Тарановским, профессором Сергеем Владимировичем Штейном и профессором Владимиром Алексеевичем Мошиным⁹⁰, в этом архиве работал и Александр Васильевич Соловьев (1890-1971), в те годы профессор Белградского университета. Свидетель-

⁸⁸ Петров Г.С. Браћа књижевници. Превод са руског: Зорка И. Бубало. Издање Матице српске у Дубровнику. Књига 8. Дубровник, 1914. С. 185.

⁸⁹ Dubrovnik, 1922. Br. 24. 25. mart.

⁹⁰ Интересен его труд: Mošin V. Prepiska ruskog samozvanca Ivana-Timoške Akundinova s Dubrovnikom G. 1648 // Historijski zbornik. IV knjiga. Zagreb, 1952. S. 71-84.

ства о его работе в Архиве находим в местной (1923)⁹¹ и белградской прессе (1929), в библиографии его обширного научного труда⁹². О своем пребывании в Дубровнике в 1923 г. ученый вспоминал: «Когда я писал статью «Могилы Войновичей», — а писал я ее из уважения к покойному Иво Войновичу, — то живо припоминал незабываемые вечера, проведенные с ними (с братьями Иво и Луйо. — А.А.) в Дубровнике... В этой статье я показал, как в личности поэта слились в единое различные семейные традиции: и «славянофильство» Св. Петра Цетиньского (бококоторская кровь деда и прадеда), и классические традиции Дубровника (итальянско-дубровницкая кровь матери), и иллиризм Людевита Гая (хорватские традиции отца), чтобы из великого поэта сделать и великого югословянина, для которого католики и православные одинаково близки»⁹³.

Нам известны следующие работы А. В. Соловьева, связанные с историей Дубровника:

«Родной язык дубровницкой знати во время падения Республики»⁹⁴;

«Экономическая и численная мощь дубровницкой знати в XV в.»⁹⁵;

«Рагузский принципат в XV в.»⁹⁶;

«Совершеннолетие дубровницких граждан»⁹⁷;

«Значение Дубровника в истории южнославянского права»⁹⁸;

«Неизвестный договор Дубровника с арбанасским правителем начала XIII в.»⁹⁹;

«Жители Дубровника на испанском морском флоте»¹⁰⁰;

«О членах семьи Охмужевич на испанской службе в XVI в. и о дубровницких судах в составе испанского морского флота с 1584 по 1654 гг.»¹⁰¹;

«Книга всех реформаций города Дубровника»¹⁰².

Три десятилетия историк А. В. Соловьев работал в знаменитом Архиве Б. Богишича в Цавтате и опубликовал несколько своих работ об этом ученом:

«О жизни и деятельности Балтазара Богишича»¹⁰³;

⁹¹ Dubrovnik, 1923. Br. 25. 5. oktobar.

⁹² Bibliography of the publications of dr. Alexander V. Soloviev, 1890-1971, professor at the Universities of Belgrade, Sarajevo and Geneva // Записки Русской академической группы в США. Т. X. (New York), 1976.

⁹³ Време. Београд, 1929. Бр. 2829. 9. новембра.

⁹⁴ Materinski jezik dubrovačke vlastele u vrijeme pada Republike // Dubrovački list. 1924. Br. 33; Večer. 1924. Br. 1153.

⁹⁵ Ekonomska i brojna snaga dubrovačke vlastele u XV v. // Dubrovački list. 1924. Br. 35.

⁹⁶ Le principat de Raguse au XV-e siecle // Zbornik iz dubrovačke prošlosti — Milanu Rešetaru o 70-godišnjici života. Dubrovnik, 1931.

⁹⁷ Пунолетство дубровачких грађана // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1932. Књ. XII. Св. 2-3.

⁹⁸ Значај Дубровника у историји јужнословенског права // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1932. Књ. XXV.

⁹⁹ Непознат уговор Дубровника с арбанаским владаром из почетка XIII века // Архив за правне и друштвене науке. 1933. Књ. XXVII.

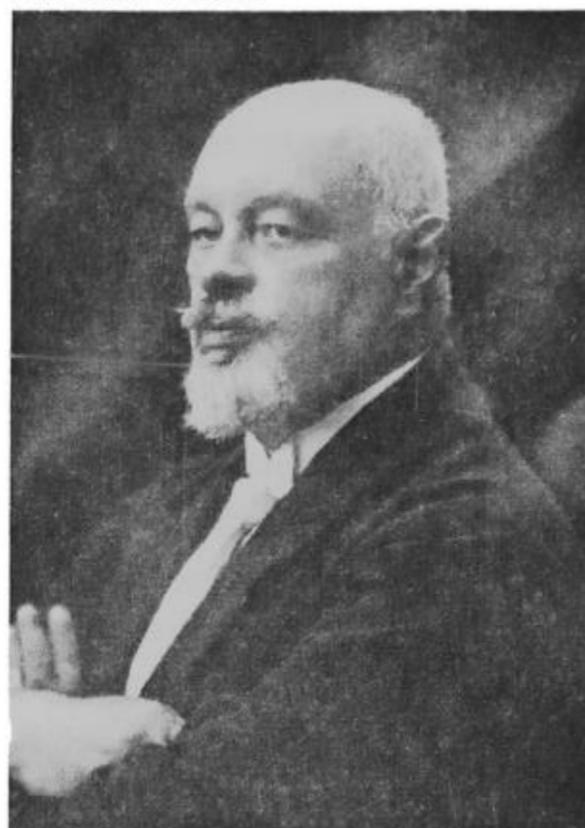
¹⁰⁰ Dubrovčani u španskoj mornarici // Jugoslavenski pomorac. 1933. Br. 17/18.

¹⁰¹ Очлановима породице Охмужевич у шпанској служби у XVI ст. и о дубровачким бродовима у саставу шпанолске морнарице од 1584. до 1654. године // Политика. 1933. Бр. 8954.

¹⁰² Liber omnium Reformationem civ. Ragusii. Књига свих реформација града Дубровника // Српска Краљевска Академија. Извори за историју Јужних Словена. Серија V: Историјскоправни споменици. I, 2. (Београд). 1936.

¹⁰³ О животу и раду Балтазара Богишића // Библиотека Народног универзитета у Шапцу. Шабац; Београд, 1935. Књ. 4.

«Университетские лекции Богишича»¹⁰⁴;
 «Взгляды Богишича на значение обычаев и законов»¹⁰⁵;
 «Богишич и Болгария»¹⁰⁶;
 «Проект закона для герцеговинских усташей Богишича»¹⁰⁷;
 «Коллекция омишских документов Богишича, XVI–XVII вв.»¹⁰⁸

Историк А. В. Соловьев, Белград, 1932 г. и художник А. В. Ганзен, Загреб, 1930-е гг.

Художники-маринисты. Алексей Васильевич Ганзен и другие

Внук известного мариниста Ивана Айвазовского (сын его дочери Марии), Алексей Васильевич Ганзен (1876–1937) родился в Одессе и первые уроки рисования и живописи получил у своего деда. Окончив юридические науки в Одессе, в 1901 г. он отправляется в Мюнхен и учится в художественной академии. Совершенствуется в Дрездене, Париже, подолгу живет во Франции, Италии, Голландии и Швеции. Остается верным традиции своего деда, пишет преимущественно морские пейзажи акварелью, маслом, сепией и гуашью, занимается гравюрой. В течение 1904–1905 гг. Ганзен создает серию полотен большого формата на тему морских битв в Русско-японской войне. Перед Первой мировой войной он поочередно живет в Петербурге и имении Роман-Эли близ Феодосии. В Одессе он намеревался открыть картинную галерею из своих работ, подобную основанной Айвазовским в Феодосии. Как приобретший имя художник и профессор Художественной академии в Берлине, он выставлялся в Берлине и Париже. На большой «Патриотической выставке» в Петрограде в 1915 г. Ганзен прославился серией монументальных полотен — сцен морских баталий в Первую мировую войну. Выполнил ряд заказов российского Правительства, включая роскошный альбом, состоящий из 25-ти

¹⁰⁴ Богишићева универзитетска предавања // Архив за правне и друштвене науке. 1937. Књ. XXXV.

¹⁰⁵ Богишићев погледи на значај обичаја и закона // Православље. Београд, 1938. Бр. 1-2.

¹⁰⁶ Bogišić eu Bulgarie, 1877 // Revue internationale des etudes balkaniques. Belgrade, 1938. Т. II.

¹⁰⁷ Богишићев нацрт закона за херцеговачке усташе // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1939. Т. ХСІ.

¹⁰⁸ Богишићева збирка омишких исправа XVI–XVII века // Споменик Српске Краљевске Академије. 1940. Т. ХСІІІ.

факсимильных акварелей: «Российский Императорский Флот» (1916). Революция помешала формальному провозглашению его академиком живописи. До января 1920 г. Ганзен проживает в Одессе, непрерывно работает и выставляется, а затем с супругой, Олимпиадой Владимировной, эмигрирует в Дубровник¹⁰⁹.

Горячо полюбив Дубровник и Далмацию, он проводит здесь почти безвыездно остаток жизни, вплоть до своей кончины 19 октября 1937 г., приобретая и югославскую славу. Его работы украшают витрины дубровницкой главной улицы — Страдуна, привлекают иностранных покупателей. В местной прессе (1923) читаем:

«Художественный салон В. Weiss-a и наследников. На Страдуне. Представлено четыре художника, уже широко известных в Дубровнике, благодаря выставкам и развешенным на стенах картинам в здании Мэрии... Мы спешим к морским пейзажам профессора Ганзена. Картины этого русского эмигранта так изобилуют эффектами! Ганзен — виртуоз, непревзойденный живописный Фреголи. Его работы технически совершенны, ловко и искусно выполнены, словно сфотографированы совершеннейшим цветным фотографическим аппаратом... Недавно Ганзен в Загребе лишь на одной своей самостоятельной выставке продал картин на 100 тыс. динар»¹¹⁰.

Королевские дома Югославии, Румынии и Италии приобретали его пейзажи Дубровника и берегов Далмации. Самостоятельные выставки работ А. Ганзена были многочисленны — в Загребе (1920, 1921, 1922, 1923, 1926, 1929, 1935, 1936, 1938), Осьеке (1923), Суботице (1924), Белграде (1924, 1933, 1936), Бухаресте (1926), Риме (1928), Париже (1929) и др. Ганзен состоял членом Общества русских художников в Париже и принимал участие в международной Большой выставке русского искусства в Белграде (1930). По заказу из Сплита он создал серию полотен «История югославянского морского флота» с начального периода до наших дней.

На самостоятельной выставке, состоявшейся в 1933 г. в Белграде, он выставил 37 полотен на тему «Адриатика» и три работы «Классическая Греция». Критика отметила: «Каждая картина полна жизни и движения, насыщена солнцем и светом, воздухом и простором, прозрачностью и теплом. Своими художественными произведениями Ганзен оказывает большую услугу нашему Приморью: благодаря этим картинам иностранцы знакомятся с красотами Адриатики и таким образом художник пропагандирует и знакомит их с нашей страной. Выставки, проведенные им в последние годы в Лондоне, Париже, Риме, Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро и Праге, сделали столько же, сколько и наша реклама, за которую так много заплачено»¹¹¹.

Кроме А. Ганзена, создавшего на протяжении всей жизни около 9 тыс. полотен, в Дубровнике и его окрестностях творили или временно в нем проживали и другие русские художники:

Всеволод Волчанецкий, выпускник Художественной академии, с 1920 г. проживал в Дубровнике, в котором устраивал персональные выставки, как и в Белграде (1934). На Большой выставке русского искусства в Белграде (1930) он был представлен картинами: «Кафедральный собор в Дубровнике» и «Улица в Дубровнике»¹¹².

¹⁰⁹ Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья 1917-1939: Биографический словарь. СПб., 1999. С. 215–216; Касацкая И. Ф. Художник-маринист Алексей Ганзен. Брянск, 2005. С. 3–4.

¹¹⁰ Dubrovnik, 1923. Br. 29. 26. oktobar.

¹¹¹ Живот и рад. Београд, 1933. Књ. 17. Св. 104. С. 1531–1532.

¹¹² Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Указ. соч. С. 208–209; Dubrovačka tribuna. Dubrovnik, 1933. Br. 205.

Василий Красовский, выпускник Художественной академии, жил на острове Раб и в Дубровнике. На Большой выставке русских художников в Белграде выставил три своих работы¹¹³.

Арсений Петрович Сосновский (1895–1967) снискал признание как ученик А. Ганзена в Дубровнике. В Киеве он изучал историю и философию, а с 1914 г. воевал на военном судне «Оркан». Из черноморского порта Евпатории в январе 1921 г. прибыл в адриатический город Херцег-Нови, где женился на художнице Галине Бояджиевой. Супруги поселяются в окрестностях Дубровника — Конавле и Купари. Позднее А. Сосновский преподает рисование в гимназии в Цетинье (Черногория) и постепенно приобретает имя как художник-маринист. Персонально выставляется в Загребе, Праге, Париже и на общих выставках в Белграде и Флоренции. Перед войной переезжает в Белград, где обзаводится ателье-мастерской. После войны он не принял югославское гражданство и вместе с женой был выслан в Болгарию, откуда им, через Турцию и Триест, в 1954 г. удается выехать в Швецию. Далматинские пейзажи А. Сосновского хранятся в Морском музее Котора, во Дворце короля Николы в Цетинье, в Музее Херцег-Нови, в галереях Загеба и в частных коллекциях Хорватии, Черногории, Сербии и Швеции¹¹⁴.

Красоту Дубровника и дубровницкого приморья изображали на своих полотнах житель Дубровника Евреинов («Лапад и Петка», 1922); житель Сплита Ипполит Данилович Майковский — художник-маринист, находившийся под сильным влиянием А. Ганзена (в Загребе выставлял морские пейзажи Груза, Дубровника, острова Комижа); белградец Борис Нилович Литвинов-Массальский (цикл акварелей «Старый Дубровник», 1930), белградка Людмила Николаевна Ковалевская-Рык («Монастырь Малых братьев в Дубровнике»), житель Сараево Илья Ахметов, художник из Великого Бечкерека (ныне — город Зренянин) Александр Иванович Лажечников, житель г. Заечар Анатолий Павлович Баев и ряд других русских художников, постоянно проживавших в других странах Европы.

Русские поэты — Дубровнику

Жить бы вечно в Далмации —
Средь красот Адриатики!
Видеть радость весеннюю
В твоих синих глазах!
И не знать — что страдание,
Есть удел мой таинственный...
И что сердце изгнанника
Непонятно тебе!

(Петр Евграфов. *Далматинские строфы*, 1927)

Наряду с русскими художниками, Дубровник вдохновлял и русских поэтов. В их поэтических сборниках встречаем стихотворения, посвященные этому сказочному городу. Упомянем следующих:

Игорь Лапко — «Дубровник» (1932);

Екатерина Таубер — «Рагуза» (1937);

Илья Голенищев-Кутузов — Адриатический цикл (1925–1930: «После грозы в Дубровнике», «Веер», «Элегия», «Землетрясение», «Далматинская элегия», «Иезуитская церковь в Дубровнике», «Над тихой Адрией осенней...»);

¹¹³ Велика изложба руске уметности 1930: Каталог. С. 31.

¹¹⁴ Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Указ. соч. С. 538.

Алексей Дураков — «Дубровник» (1934);

Лидия Алексеева (Девель) — «Из Дубровника» (1934), «Далмация» (1954), «На Адриатике», «Дубровник» (1964).

Русские эмигранты переводили стихотворения известных югославских поэтов, посвящавших свои стихотворения Дубровнику. Это следующие из них:

Евгений Вадимов — «Дубровацкий мадригал» (Й. Дучич);

Екатерина Таубер — «Дубровницкий посланник» (Й. Дучич);

Илья Голенищев-Кутузов — «Дубровницкое вино», «Дубровницкая эпитафия» (Й. Дучич), «Эпилог Трилогии Дубровника», «Элегия на смерть Иоанны Чингрия» (И. Войнович).

Однако, по-видимому, глубже всех проникся Дубровником Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев, 1887–1941) — известный поэт, основоположник эгофутуризма (позднее близок кубофутуристам). В середине 1918 г. он жил на своей даче в эстонской деревне; поэтому формально этот россиянин не эмигрировал, а его страна отреклась от этой части своей территории и, по стечению исторических обстоятельств, передвинула свои границы. Проживая в нужде, все еще с ореолом недавней славы, великолепный исполнитель своих стихотворений, Игорь Северянин посетил многие европейские страны русского рассеяния. Его литературные вечера в Берлине, Париже, Брюсселе, Софии, Кишиневе, Варшаве, Бухаресте, Праге, Белграде имели успех. Хотя поэт постепенно терял своих почитателей, ему удалось в эмигрантской среде опубликовать несколько своих поэтических сборников, два из которых изданы в Белграде (Классические розы, 1931; Медальоны, 1934). Скончался он в нищете, на территории Эстонии, в 1940 г. присоединенной к Советскому Союзу.

Особую главу биографии, сентиментальных эпизодов жизни и поэтического вдохновения, составляют путешествия Северянина в Югославию, в особенности его пребывание в Белграде, Сараево, в Словении и в Дубровнике.

При своем первом посещении Балкан, в 1930-1931 гг., поэт со своей супругой Фелиссой Михайловной побывал и в Далмации: «17 января 1931 года на вокзале в Дубровнике Игоря Северянина встречал похожий на Бонапарта Александр Владимирович Сливинский, бывший полковник Генерального штаба, бывший начальник штаба гетмана Скоропадского. Узнав из газет о приезде поэта в Дубровник, Александр Владимирович и его жена Мария Андреевна просили супругов Лотаревых оказать им честь и остановиться на их вилле «Флора мира»¹¹⁵.

У Сливинских Игорь Северянин познакомился с бывшим депутатом Государственной думы, монархистом и писателем Василием Витальевичем Шульгиным, который иногда посещал Дубровник и Далмацию, трудился в архивах, писал мемуары и приключенческие романы. Вот как он вспоминал о своих встречах с Северяниным в Дубровнике:

«Он был высокий, худой, очень смуглый. На голове черная грива. Вот тебе и Северянин! Голос у него был глуховатый; но достаточно сильный; звучавший в большом зале. Он читал свои стихи хорошо, в своей собственной манере. И это было странно, потому что к его музе более подходили бы и другой голос, и другой выговор. Несомненно, что-то южное было в нем (...) Ему больше походила бы какая-нибудь экзотика. И некоторая изящная развязность была бы к лицу поэту, сказавшему сам о себе: «Я повсеместно оэкраенен...» А он был совсем скромный! Да, в частной жизни он был

¹¹⁵ *Петров М.* Дон-Жуанский список Игоря-Северянина: История о любви и смерти поэта. Таллинн, 2002. С. 181.

скромный, тихий, молчаливый. Но не угрюмый. Он молчал, но слушал внимательно и охотно; и на губах его была добрая улыбка. В этой улыбке обозначалось одновременно и что-то детское, и что-то умудренное... В эту свою пору он как бы стыдился того, что написал в молодости; всех этих «ананасов в шампанском»; всего того талантливое и оригинальное кривлянья, которое сделало ему славу. Славу заслуженную, потому что юное ломанье Игоря Северяника было свежо и ароматно»¹¹⁶.

Игорь Северянин и полковник А. В. Сливинский в Дубровнике, 1931 г.

В своем письме другу, Августе Дмитриевне Барановой, поэт писал: «За это время дал... два концерта в Дубровнике... Неделю провели мы на Адриатике. Жили в Рагузе на берегу моря. Чудесная вилла в саду. Апельсины, лимоны, миндаль, розы, глицинии. И это 18–24 января. 28–30 на солнце, 15–16 в тени! В открытом авто совершили дивную поездку в Цетинье, через Эрцегнови, Зеленику, Пераст, Каттарро... Как красива Югославия!»¹¹⁷

Из Дубровника Северянин через Сараево возвратился в Белград. Сливинские и Шульгин провожали Северянина с его супругой на железнодорожном вокзале в Груже. Ночью, между Мостаром и Ябланицей, с поездом произошла катастрофа. После тропического ливня на рельсы обрушилась скала. Паровоз упал в реку Неретву, вместе с грузовым и вагоном 1-го класса, стены которого, к счастью, были обложены мягкой обивкой и бархатом, так что поэт получил лишь легкие ушибы. Два часа прошли в отчаянном положении: в темноте, под ливнем, потом — при факелах, среди криков и стонов умирающего машиниста, придавленного локомотивом...

В декабре 1931 г. Северянин снова в Дубровнике, на вилле «Флора мира». Три дня он пробудет в этом городе и в мае 1933 г.

Дубровнику и Далмации Северянин посвятил свой поэтический сборник «Адриатика» (Нарва, 1932), в котором непосредственно к Дубровнику относятся стихотворения, написанные на вилле «Флора мира» (в январе и декабре 1931 г.), но и те, созданные в феврале 1931 г. в Париже, в июне 1931 г., и в деревне Тойла (Эстония), в июне 1932 г.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Северянин И. Письма к Августе Барановой 1916–1938 / сост., подгот. текста, введ. и комм. Б. Янфельдт и Р. Круус. Stockholm, 1988. С. 66.

В этот сборник Северянин включил и свои переводы стихотворений Йована Дучича: «Вино из Дубровника», «Мадригал из Дубровника» и «Инок из Дубровника», которые он переводил в Белграде в ноябре 1930 г.

Некоторые стихотворения из цикла «Адриатика» поэт посвятил русским, с которыми познакомился в Дубровнике или Белграде: Марии Андреевне и ее супругу Александру Владимировичу Сливинскому (состоятельному подрядчику при строительстве путей сообщения), Лидии Николаевне Бенцелевич (супруге врача в Белграде), Елизавете Ивановне Поповой-Каракаш (солистке Белградской оперы), Татьяне Ивановне Хлытчиевой (супруге профессора Белградского университета, меценатам Северянина), Василию Витальевичу Шульгину, Валентине Васильевне Берниковой (супруге русского биолога в Сараево, близкой подруге Северянина, при посредничестве которого в Эстонии вышел поэтический сборник ее стихотворений).

Об Игоре Северянине югославские литературные критики писали довольно много, а в прессе отмечались его выступления в культурных центрах страны. Приводим высказывания двух славистов-современников.

Д-р Йосип Бадалич (1921): «Игорь Северянин принадлежит группе самых молодых и самых голосистых. Затрудняюсь сказать, к какой литературной группировке примыкает. Это трудно сказать, так как его поэзия не поддается определению, а и потому, что его в равной мере считают своим и футуристы, и экспрессионисты, и имажинисты. В конце-концов, это и не важно, какой ему приклеить литературный ярлык. Намного важнее факт, что Игорь Северянин — поэт, подлинный поэт, прошедший период младенческого эксцессионизма и неупорядоченных колебаний и современной поэзии он старается раскрыть новые горизонты»¹¹⁸.

Кирилл Тарановский (1931): «И если бушующий, героический итальянский футуризм окружен шумами, движением, городскими огнями, петербургский Северянизм окутан чарами демимонда, пребывает в плену шелестения шелковых юбок, опьянен ароматом будуара. Маринетти провозгласил презрение к женщинам, — Северянин воспел деми-модницу... Но, вопреки недостаткам, в его стихах того времени есть что-то неуловимое, может, и неопределенное, что стихи делает стихами. Мы убеждаемся в том, что он поэт Божьей милостью..., который все-таки найдет себя, сбросив свою маску. И Северянин это действительно сделал в последний период своего творчества, после великой русской революции»¹¹⁹.

Наш современник, славист *Вольфганг Казак* об эмигрантском периоде Северянина пишет (1988): «Доходчивая музыкальность его стихотворений, часто при довольно необычной метрике, соседствуют у Северянина с любовью к неологизмам. Смелое словотворчество Северянина создает его стиль. В этих неологизмах есть многое от собственной иронической отчужденности, скрывающей подлинную позицию автора за утрированным словообразованием. После юношеских революционно-футуристических стихотворений Северянина его поэзия в период эмиграции постепенно становится более естественной и традиционной»¹²⁰.

Примеры мелодической фразировки и новых словообразований встречаются и в далматинском цикле поэта, возникшем в минуты очарования красотами природы и поэтического вдохновения:

¹¹⁸ Savremenik. Zagreb, 1921. Вр. 1. S. 62.

¹¹⁹ Критика. Београд, 1931. Књ. III. Св. 2. С. 47-48.

¹²⁰ Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London, 1988. С. 676.

Адриатическая бирюза

Как обворожает мне глаза
Адриатическая бирюза!
Облагораживает мне уста
Непререкаемая красота.
Обескураживает вышина.
От туч разглаживает лик луна.
И разгораживает небеса
Семисияющая полоса.
Обезображивает чары мест
Предсмертным кактусом взрощенный шест.
Омузыкаливается мой слух.
Обеспечаливается мой дух.

Полдень Первого дня

Море оперного цвета
Шелковало вдалеке.
Роза жаждала расцвета,
Чтоб увясть в твоей руке.
Море было так небесно,
Небо — морево. Суда
В отдаленьи неизвестно
Шли откуда и куда.

.....
Было солнечно слепяще.
Вновь поэтом стал я весь.
Было так ненастояще,
Как бывает только здесь.

Илья Николаевич Голенищев-Кутузов — «Колумб славянского Возрождения»

Евгений Васильевич Аничков (1866–1937), профессор сравнительных литератур Белградского университета, бывший профессор Петербургского университета, один из основателей Русской высшей школы общественных наук в Париже, лектор в Оксфорде, доброволец Салоникского фронта, в своей первой статье, опубликованной в загребском журнале «Новая Европа», в феврале 1922 г., писал: «Нам, русским, есть, что дать сербскохорватским искусствам. Но и мы хотели бы, чтобы нас обогрела более теплая струя (славянского юга. — А.А.). Наша история *периода возрождения* развивалась мимо наших искусств. Мы были лишены искусства возрождения. (...) Мне мерещится, где-то далеко, чарующий и неизвестный иной мир — таинственный Дубровник, с близ расположенными, живописными островками, у синего моря под жаркими южными солнечными лучами. Там *петраркизм*, там комедия, там пестрота и скрытые приемы, и сказка, дожидаящаяся, дожидаящаяся чтобы ее рассказали по-новому, чтобы сновиденья кто-то нашептал доселе неизученным способом. Заставьте нас, русских, прикажите нам, заманите нас к этому труду, помогите на этом пути, дайте сказку, а мы предоставим чародея, который найдет ее. Русские деятели искусства и книголюбы, опытные в мировой речи — в театре, в литературе, науке преподнесут мировой культуре этот еще неизвестный *славянский ренессанс*»¹²¹.

¹²¹ *Aničkov E. Šta mogu dati Jugosloveni Rusima: Srpsko-ruske misli jednog knjigoljupca // Nova Evropa. Zagreb, 1922. Knj. IV. Br. 4 (1. februara). S. 100-101.*

Е. В. Аничков нашел такого русского в князе Илье Николаевиче Голенищеве-Кутузове (1904–1969), любимом ученике на Философском факультете в Белграде, который на протяжении почти всей своей жизни будет следовать заветам учителя и друга изучать и переводить дубровацкую литературу.

Шестнадцатилетним юношей И. Н. Голенищев-Кутузов со своими родителями прибыл в Белград. Тут он получил аттестат зрелости в знаменитой Первой русско-сербской гимназии и приобрел диплом на романском отделении Философского факультета. Вдова Ильи Николаевича, Искра Вениаминовна Голенищева-Кутузова, пишет: «После

Князь И. Н. Голенищев-Кутузов.
Белград, 1920-е гг.

окончания университета Голенищев-Кутузов учительствовал в небольшом черногорском городке Никшиче, а затем получил место профессора гимназии в старинном, сохранившем средневековый облик городе-крепости Дубровнике. Здесь судьба свела его с двумя замечательными людьми — всемирно известным польским композитором Людомиром Михалом Роговским¹²² и хорватским драматургом и поэтом графом Иво Войновичем. Оба были много старше него, но дружба их отличалась юношеской пылкостью и непрерывным радостным взаимоузнаванием. Эту парадоксальную и почти неразлучную тройцу соединяла не только душевная симпатия, но и общая работа. Ежегодно на соборной площади в день патрона города святого Влаха (3 февраля) исполнялась драматическая симфония Роговского «Чудо св. Влаха». Текст этого действия (...) был написан Войновичем (...)

Роговский, объехавший полмира в поисках высшей истины, отличался необычайной творческой взыскательностью и даже суровостью по отношению к своим произведениям. Его оперы, балеты и симфонии исполнялись на лучших сценах Европы и США, а во время мировой войны даже в госпиталях (говорили, что они благотворно, умиротворяюще действовали, облегчая страдания тяжело изувеченным солдатам)... Роговский вечно искал новые формы и средства музыкальной выразительности; одним из первых он начал сочинять музыку специально для радио, вводил в свои спектакли элементы кинематографа, писал для определенных исполнителей, знаменитая танцовщица Айседора Дункан предпочитала импровизировать на музыкальные темы, предложенные ей Роговским. Он вводил в свои произведения народные белорусские мелодии, использовал музыкальный фольклор народов Индии, Китая и Юго-Восточной Азии. Вместе с Ильей Николаевичем он сочинил пятиактную оперу «Марко Королевич» по мотивам народных эпических песен южных славян¹²³.

Роговский поселился в Дубровнике, забывая мятущиеся искания современного искусства и сутолоку мировых столиц, на окраине города, в пустующем монастыре

¹²² Людомир Михаел Роговский (1881-1954), польский композитор. С 1926 г. жил в Дубровнике, с 1928 г. — в опустевшем монастыре Св. Якова, расположенном вне городских стен.

¹²³ Рукопись текста либретто оперы хранится в фонде Л. М. Роговского в Городском архиве Дубровника. Отрывки из этого своего «драматического произведения» И. Н. Голенищев-Кутузов 8 февраля 1930 г. читал в Париже, в Союзе молодых русских поэтов. О польско-русской опере, созданной в Хорватии на сербские темы, писала югославская пресса: *Hrvatska odbrana* (Zagreb). 1933, br. 13/ S. 3; Радио Београд. (Београд). 1933, br. 10/ С. 4-5, и др.

св. Иакова, основанного бенедиктинцами в начале XIII столетия. Он жил в той же келье, где в 1601 г. аббат Мавро Орбини писал о доблести православных сербских «юнаков», сражавшихся на Косовом поле, за что книга его «Славянское царство» попала на «Индекс» и была изъята из обращения. Посещая своего друга в старом аббатстве, Кутузов многое узнал о живших в этих стенах католических священнослужителях, любителях славянской культуры и первых страстных поборниках идеи славянской взаимности.

Старый граф Иво, потерявший здоровье и зрение в австрийской тюрьме, где его продержали все годы войны, живо интересовался историей и культурой России и всем, в ней происходившим.

В значительной степени, благодаря близости с молодым Ильей Николаевичем, последний период творчества хорватского поэта можно поистине назвать русским. За два последних года, что он провел в благодатном климате далматинского Приморья, им были написаны три пьесы на русские сюжеты. В «Прологе ненаписанной драмы» (не уступающей неожиданностью поворотов и яркостью контрастов пьесам Луиджи Пиранделло) речь идет о таинственном эпизоде русской истории XVIII века. Действие драмы о княжне Таракановой, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, происходит в разных временных планах; прошлое мешается с настоящим... Поэтическая фантазия автора создает свой особый сказочный мир»¹²⁴.

Сам Голенищев-Кутузов в своем эссе «Иво Войнович и Россия» поясняет: «Осенью 1927 г. прибыла в Дубровник на пару недель из Берлина Наталья Алексеевна Поццо-Тургенева, *belle-sours* известного поэта Андрея Белого. Однажды вечером, в саду гостиницы «Империал», она рассказала случай, произошедший с поэтом Максимилианом Волошиным. О нем с давних пор распространялись всевозможные легенды. Он не покинул Россию, остался испить горькую чашу до дна»¹²⁵.

«Особенно сильное впечатление произвели на Войновича рассказы о Максимилиане Волошине и его героической позиции в эпоху Гражданской войны, когда поэт один стоял между враждующими сторонами и всеми силами души, молясь за тех и за других, пытался умерить пыл братоубийственной бойни. Он сделал русского поэта героем своей двухактной драмы, но завершить ее не успел. После смерти Войновича в его бумагах была найдена еще одна «русская» драма, которую он назвал именем своего молодого друга «Илья». О театре Иво Войновича Голенищев-Кутузов напишет статьи для парижского журнала «Le monde et l'art slave» и для газеты «Россия и славянство». Здесь же 7 сентября 1929 г. поместят его некролог (Войнович умер на 72-м году жизни 30 августа).

Долгие беседы со старым, но сохранившим юное сердце поэтом, одним из самых значительных югославских лириков, Илья Николаевич вспомнит, когда в 1935 г. будет писать на сербскохорватском языке статью о Владимире Соловьеве и том понимании, какое нашли его идеи в высокообразованной среде хорватских славянофилов-католиков — его современников. Ведь именно в доме Войновичей останавливался русский философ, когда приезжал в Загреб, и отец поэта, Коста, сопровождал Владимира Сергеевича в его поездках в резиденцию Штроссмайера в Джакове.

В бенедиктинском монастыре Дубровника Илья Николаевич будет изучать труды светоча средневекового католического богословия и прекрасного мастера латинской прозы Бернара Клервоского. Мистик Бернар создал поэтическую концепцию о восполнении душами святых и праведников пустот, образовавшихся в небесах после падения

¹²⁴ Голенищева-Кутузова И. В. Несколько предварительных слов // Голенищев-Кутузов И. Н. Лики времени: Парижские эссе. М., 2004. С. 6-7.

¹²⁵ Dubrovnik. Mjesečna ilustrirana revija. Dubrovnik, 1929. Br. 7. S. 227.

ангелов Люцифера. Идеи эти были переосмыслены провансальскими трубадурами и поэтами сладостного нового стиля в Италии, создавшими культ Прекрасной Дамы, достигший апофеоза в творчестве гениального автора «Божественной комедии» (в русской поэзии — у Блока и Соловьева). Эти штудии реализовались впоследствии во многих работах Голенищева-Кутузова: в его сербской статье об ангелизации прекрасных дам в средневековой поэзии, в его переводах и трудах, посвященных Данте, получивших мировое признание...

Из Дубровника Кутузов несколько раз (в 1927-1928 гг. — А.А.) ездил во Флоренцию, Рим, Милан. Во Флоренцию его неудержимо влек Данте, чью «Новую Жизнь» он начал переводить примерно в том же возрасте, в каком великий флорентиец ее писал. А в Рим великий старец Вячеслав Иванов, мэтр русского символизма, по словам Шарля дю Боса, «один из последних великих гуманистов Европы». Долгими летними вечерами в небольшой квартире Иванова, которая находилась (как и его петербургская «башня») на верхнем этаже мрачноватого, современной постройки дома неподалеку от площади Испании, Иванов и два его гостя, приехавшие с другого берега Адриатики — Е. В. Аничков и Голенищев-Кутузов вели беседы о поэзии, религии, кризисе культуры, античной Греции и Средних веках»¹²⁶.

Из Дубровника Голенищев-Кутузов отправляется в Париж продолжить учение. Там, во французских научных кругах он приобретает имя, но и в русских литературных и интеллектуальных. В Париже он сочиняет стихи, сотрудничает в эмигрантских газетах и журналах, знакомится с Бердяевым, Мережковскими, Ремизовым, Ходасевичем и со столькими другими выдающимися людьми.

С докторантом Сорбонны русский граф (подобно молодому дубровницкому нобилю ранних эпох) в 1934 г. возвращается в Дубровник, но по рекомендации профессора Аничкова принимает предложение Белградского университета и там продолжает свою научную карьеру. В 1930-1940 гг. он переживает разные перипетии жизни. В военные годы — подпольщик, затем боец Народно-освободительного (партизанского) движения, после т. н. «Резолюции Информбюро», узник в сремскомитровацкой тюрьме; затем югославские органы выдворяют его в Венгрию — его промежуточную остановку до прибытия в Москву, в 1955 г. Там он начинает все сначала...

Из около двух сотен научных трудов Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова академик Д. С. Лихачев выделяет его труды о Данте и вторую («советскую») докторскую диссертацию «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков» (Л., 1963): «Книга рисует широкую картину Ренессанса в далматинской литературе (в частности, в дубровницкой), в венгеро-хорватской, чешской и польской на огромном двенадцатязычном материале, которым И.Н. владел превосходно. Для создания своей синтетической картины Ренессанса на юго-востоке Европы, совершенно по-новому раскрывающей проблему Возрождения в славянских литературах, он использовал архивы и книгохранилища Загреба, Дубровника, Рима, Флоренции, Парижа, Будапешта, Москвы, Ленинграда и Риги... И. Н. Голенищев-Кутузов отчетливо показал, что ни одна из изученных им славянских литератур XV–XVI вв. не развивалась изолированно, что все они испытывали влияние итальянского Возрождения и одновременно под его воздействием углубляли свои национальные, самобытные особенности»¹²⁷.

¹²⁶ Голенищева-Кутузова И.В. Несколько предварительных слов... С. 7–8, 10.

¹²⁷ Лихачев Д. С. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов // Голенищев-Кутузов И. Славянские литературы: Статьи и исследования. М., 1973. С. 10-11.

Относительно нашей темы необходимо подчеркнуть роль Голенищева-Кутузова в ознакомлении русской и мировой общественности с поэзией Далмации XV-XVI вв. Им была составлена антология этой поэзии, написаны подробное предисловие и комментарии, переведены поэты с латинского, сербо-хорватского и итальянского: Михаил Марулла Тарханиот, Марко Марулич, Илья Цвиевич, Карло Пуцич, Дамиан Бенеш, Шишко Манчетич, Джоре Држич, Якоб Флавий Эборенсий, Мавро Ветранович, Петр Гекторович, Марин Држич, Антун Сасин, Савко Бобалевич, Динко Ранина, Юрий Баракович и Доминко Златарич¹²⁸.

Одной из фундаментальных работ Голенищева-Кутузова является сборник «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV-XVI веков», содержащий и исследование «Гуманизм и Ренессанс в Далмации». Второй обширный том его трудов подготовила вдова ученого, Искра Вениаминовна Голенищева-Кутузова: «Славянские литературы», в котором, среди прочих, опубликованы следующие работы: «Предренессансные процессы в культуре южных славян до турецкого завоевания и византийская традиция»; «Поэты Далмации эпохи Возрождения»; «О генезисе ранней буржуазной идеологии (Трактат дубровницкого купца-гуманиста)»; «Проблемы влияния и национального своеобразия в славянских литературах эпохи Возрождения»; «О литературе барокко в славянских странах».

Длинным был бы список трудов И. Н. Голенищева-Кутузова, относящихся к фольклору югославских народов (эпос, сказки), а также к писателям и поэтам нашего времени¹²⁹.

«Начало широкой известности Ильи Николаевича в Советском Союзе было положено на защите его докторской диссертации в «Пушкинском доме», которая проходила в какой-то непривычной для подобных акций приподнято-торжественной атмосфере и при большом стечении народа. Оппонентами его являлись такие признанные корифеи отечественной филологии, как академики В. Д. Жирмунский, М. П. Алексеев и Д. С. Лихачев. По собственной инициативе восторженный отзыв прислал и востоковед академик Н. И. Конрад. Он писал: «Работа И. Н. Голенищева-Кутузова представляется мне исключительной и по важности рассмотренного в ней материала исторического явления — Славянского Возрождения, и по показательности обильного и красочного материала... Кроме того, работа эта прямо идет навстречу общему требованию нашей научной общественности: требованию восстановления в подлинно-историческом значении роли славянского мира в истории европейской культуры»¹³⁰.

Один из рецензентов диссертации назвал Голенищева-Кутузова «Колумбом славянского Возрождения»¹³¹.

Из «Адриатического цикла» поэта приводим два стихотворения:

После грозы в Дубровнике

Гроза прошла. Лишь на море, вдали,
Еще вскипают горькие пучины
И брызжут пеной, сокрушить не в силах
Стен византийских серое кольцо.

¹²⁸ См.: Поэты Далмации эпохи Возрождения XV-XVI веков. М., 1959.

¹²⁹ См.: Голенищева-Кутузова И.В. Эпическое творчество народов Югославии в трудах И. Н. Голенищева-Кутузова // Русская эмиграция в Югославии. Сборник статей. М., 1996. С. 208-222.

¹³⁰ Голенищева-Кутузова И.В. Несколько предварительных слов... С. 13.

¹³¹ Там же. С. 20.

И ветхий Город на утесах черных
Все так же дремлет и сквозь дрему слышит
Романских колоколен тихий звон.
Еще душа полна стенаний
Ветров грозящих и строптивых волн
И ужасом рокошующего грома;
Еще тревожны в ней воспоминанья
Всех опьянений, буйств и мятежей.
Там волны бились, и мрачилась твердь,
И черный смерч порывисто крутился,
Как дервиш исступленный, возомнивший
Небесное с земным соединить,
И бледный парус судорожно бился,
И кормчий гибнул...
Сквозь виноградный трепетный покров
Гляжу я вниз с террасы вознесенной
На зыбкий склон, оливами покрытый,
На облака, на горные вершины
Бесплодных гор, где лепятся лишь сосны,
Зеленые и рыжие, как косы
Наяд приморья и нагорных вил.
Гляжу вокруг, и сердце бьется ровно.
Святится тишь; уединенье — благо.
Да, миновали ярости стихии,
И радость уцелевших совершенней.
Он устоял, мой стройный кипарис,
Убогого жилища сторож верный,
Окрест всех выше, и стоит омытый,
В лазури просветленной торжествуя,
Лишь содрогается от капель тяжких
Иль дуновенья стихнувших ветров.
Так суждено. И радостно мне думать,
Что я один стою пред бесконечным,
Где возрасти мне рок определил,
Как этот кипарис, и содрогаюсь
От трепета смирившейся стихии
Иль шелеста и шепота подземных
Ключей и душ, со мною сопряженных,
И молча жду губительных перунов,
Чтоб молнией оделся пленный дух,
И в преисподнюю огнем проникнул,
И снова вспыхнул беззакатным Солнцем.

1928

Иезуитская церковь в Дубровнике

Perinde ac cadaver...

Игнатий Лойола

Облаками свод небес украшен,
Даль спокойна и ясна.
Сквозь прозрачные аркады башен
Голубеет синяя волна.
Вновь со мной эпические музы

И печаль средневековых стен.
В лабиринте улочек Рагузы
Вижу храм, где прошлым бредит тлен.
О, по обмелевшим водам веры
Плоскодонное, надежное судно!
Здесь не виснут цепкие химеры,
Здесь Бернар не жег. Но все равно
Ты войдешь в триумфе пышной фрески
На плафоне винно-золотом.
Ты увидишь профиль хищный, резкий
Иберийца с каменным крестом.
Ангелы (иль пухлые амуры?)
Час победы громко вострубят.
Шествуют торжественно авгуры,
Корчится барокко колоннад.
И мелькают тени в лихорадке.
О Тибулла нежная латынь!
Все звучит какой-то голос сладкий,
Словно глас пророческих пустынь:
«Изнемогшие придите чада,
Истомленные грехами всех дорог.
Здесь сиянья, лики и прохлады,
Снисходительный, понятный бог.
Вероятное мы истолкуем верно,
Мы развяжем, свяжем и простим,
Мы прощаем слабости и скверны,
Поспешая к малым сим».
Пламенники вспыхивают тускло,
Вкруг Мадонны сонм теней,
И втекают в мертвенное русло
Все тревоги многотрудных дней.
Только там, за древними стенами,
Слышишь — бьется буйная волна,
Ветр приморья спорит с облаками,
И душа свободою пьяна.
Выйди в порт — там со всего Востока
Собралися корабли.
Дышит грудь уверенно, глубоко,
Черный парус чудится вдали.
Все властнее древний бред стихии —
Призраки качаются галер.
Может быть, сюда приплыл из Византии
Некогда усталый Агасфер.
Оживая, шепчутся преданья
С недоверчивой волной.
Египтянка шепчет предсказанья,
Сгорбившись над маленькой рукой.
И над рокотом пучин склонившегося Влаха
Недоверчиво следит, завидя с моря град,
Хищного поклонника Аллаха
Дальнозоркий суеверный взгляд.

1926

Поэма «Слезы блудного сына» в русском переводе

Если И. Н. Голенищев-Кутузов содействовал ознакомлению русских читателей с дубровницкой поэзией эпохи Возрождения, двое других русских, выпускники той же Русско-сербской гимназии в Белграде, потрудились представить иностранному читателю труд следующей поэтической эпохи — дубровницкого барокко.

Русская поэтесса Лидия Алексеева (Лидия Алексеевна Девель, в замужестве Иванникова, 1909–1989), ученица сербского академика-лингвиста Александра Белича, после Второй мировой войны — библиотекарь Славянского отделения Городской библиотеки в Нью-Йорке, в 1960-е гг. перевела на русский язык шедевр Ивана Гундулича — поэму «Слезы блудного сына». Перевод поэмы, опубликованной в Вашингтоне в 1965 г., был напечатан в Мюнхене, а вступительную статью и комментарии подготовил также довоенный житель Югославии, известный канадский славист Ростислав Владимирович Плетнев (1903-1985), профессор Монреальского университета. Он пишет:

«В литературе не только Дубровника, но и всей католической Далмации, Гундулич занимает первое место. Среди его произведений значительная часть проникнута ре-

Л. А. Девель-Иванникова
(Лидия Алексеева).
Белград, 1929 г.

лигиозным духом и духом своеобразного панславизма; тут он предшественник Юрия Крижанича, но взор его устремлен к Польше, а не к России. Самыми важными плодами творчества Гундулича являются «Осман», «Дубравка» и «Слезы блудного сына». Последние несомненно, по мастерству стиха, стоят на первом месте. Кроме того, «Слезы блудного сына» интересны для славяноведов как ярчайшее произведение и как полное воплощение духа барокко в славянских литературах. Л. Алексеевой пришлось преодолеть огромные трудности для адекватного, строка за строкой — перевода поэмы Гундулича. Каждая секстина в последних двух стихах повторяет в лапидарной форме смысл четырех предшествующих. Отсутствие словарей по лексике Гундулича еще более затрудняет работу переводчика. Л. Алексеева перевела всю поэму с сохранением ритма и образов оригинала... Благодаря ее труду и таланту, русские имеют художественный и точный перевод, а не перепев лучшего из произведений «короля

далматинских поэтов» — Ивана Гундулича. XVII в. — расцвет хорватской поэзии в Далмации, тогда как на Руси еще звучат топорные вирши латино-польско-украинской конструкции. Успехи далматинской поэзии, ее расцвет, следует связывать с мощным влиянием Италии и ее культуры эпохи Возрождения. Однако творчество Гундулича не подражание, а самостоятельная разработка сходных с итальянскими тем славянским гением»¹³².

Профессор Плетнев не мог закончить свое исследование, не поделившись личными впечатлениями от очаровательного города: «Мне удалось дважды побывать в Дубровнике, понюхать запах его улиц под солнцем безоблачно лазурного неба, почувствовать густой и сладкий, пряный и чуть одуряющий запах субтропических растений и цветов, я глубже вошел в дух прошлого древней республики. Гулкие плиты или шероховатые

¹³² Гундулич И. Слезы блудного сына / пер. Л. Алексеевой; вступ. ст., ред., коммент. проф. Р. В. Плетнева. Washington, 1965. С. 3-4.

булыжники «турецкой мостовой», широкие лестницы и узенькие вьющиеся, как далматинский плющ, ступеньки, ночной полупрозрачный лунный сумрак. Высокие узкие дома темных улиц и переулков, узких настолько, что, став посередине мостовой, можно упереться обеими руками в тесаные камни домов с обеих сторон. Днем — голубые гибкие шелка Адриатики и на них белые и коричнево-темные паруса, те же, что были при Гундуличе. Они манят в даль странствий...»¹³³

Мы уже упоминали, что Дубровник вдохновлял и поэтессу Лидию Алексееву. Приводим два ее стихотворения:

На Адриатике

На молу и ветренно и ярко,
Пеной стынет моря влажный пыл.
В давний день здесь лев святого Марка
Омочил концы державных крыл.
С той поры плывут волнами годы,
Трепет волн все так же чист и синь,
Так же о дарах святой свободы
Возвещает стройная латынь.
Этот звон — и этот камень серый...
Если ж взгляд на Локрум подыму -
Вижу в дымке царственной галеры
Плавно уходящую корму.

Дубровник

На старинный светлый камень,
Утомленный солнцем и веками,
Лег вечерний розовый покой.
Дышет море матово и сине,
От хвои пушисто ярких пиний
Веет сонной теплотой.
И над путаницей линий
Разлилось оранжевой пустыней
Небо. В нем покойно вознесен
Башни вырезной прямоугольник,
И в просвете легком колокольни —
Черный колокол времен.

Русский конвертит — Сергей Владимирович Штейн

Кроме польского композитора Лудомира Михаела Роговского, с сине-серой Балтики на бирюзовую, теплую Адриатику прибыл еще один северянин. В начале 30-х гг. в Дубровнике со своей семьей обосновался профессор Сергей Владимирович Штейн (1882–1955). Родился он в Петербурге, был профессором Университета в Юрьеве (Дерпте, Тарту). Свою жизнь беженца он продолжил на юге Европы: после временного пребывания в Риге и Белграде. Необходимо сказать несколько слов о его происхождении и биографии.

Немецкий дворянский род *von Stein* в XII в. проживал в княжестве Нассау. В половине XVI в., в период Реформации, Николаус фон Штейн был вынужден эмигрировать в католическую Польшу, в которой ветвь этой семьи проживала вплоть до конца XVIII в.

¹³³ Там же. С. 20.

Прапрадед, Ян фон Штейн, вступил в брак с княжной Корсини, из рода, давшего католической церкви святого Андрея Корсини. В начале XIX в. сын Яна, Станислав, стал епископом в Вильне. Предки матери Сергея Владимировича также были католиками. К ее роду принадлежал иезуит Зеленский, соратник украинского гетмана Мазепы в борьбе с русским императором Петром Великим. Рост императорской мощи православной России влиял на ее административный аппарат (иностранцев), и те охотно подчиняли веру своих предков личной карьере — оба прадеда Сергея Штейна приняли православие. Однако его родители были воспитаны в духе материализма и позитивизма. Отец, секретарь Академии наук в Петербурге, в России был последователем и биографом Шопенгауера и Леопарди, позднее — под влиянием Гартмана, Ницше — и буддизма. Его мать занималась естественными науками.

Молодой Сергей Владимирович увлекался литературой, штудировал труды Пушкина, изучал ориенталистику и юридические науки. Он был основателем студенческого религиозно-политического кружка правой ориентации и одним из организаторов «Славянской беседы» в Петербургском университете — общества по изучению культурных ценностей и литератур южных славян. В среде литераторов приобрел известность после публикации антологии «Славянские поэты»¹³⁴. В ней, помимо одного чешского и одного польского поэта, представлены: князь Николай I Черногорский, Йован Йованович-Змай, Йован Ильич, Воислав Ильич, Йован Дучич, Антон Ашкерц и Отон Зупанчич. Антология была проникнута панславистской идеей, выраженной в посвящении-стихотворении Сергея Штейна:

Я посвящаю этот труд
Желанным дням объединенья.
Недолго ждать — они придут:
Мы все единой цепи звенья...
Я верю, братская любовь
Поможет нам в бескровном споре.
И все ручьи сольются вновь
В едином, всеславянском море.

За это литературное предприятие сербский король Петр I удостоил С. Штейна орденом Св. Саввы, а черногорский король Николай I — орденом князя Даниила¹³⁵.

После окончания Петербургского археологического института и юридического факультета (в 1904 г.) С. В. Штейн был принят в Министерство торговли и промышленности, где занимал должность генерального секретаря Правления Государственного русского дунайского судоходства (1904–1912). Дважды он ездил в Сербию — в 1907 и 1912 гг. За выдающийся вклад в развитие культурно-торговых связей между Россией и Сербией император Николай II наградил его орденом Св. Станислава. В начале Первой мировой войны Штейн был организатором сербского отдела Российского общества по изучению Востока, целью которого было оказание моральной и финансовой поддержки Сербии в борьбе за ее освобождение и объединение.

С. В. Штейна и далее привлекает литература. С 1912 г. он стипендиат Отделения русского языка («Пушкинский дом») при Императорской академии наук в Петербурге, а позднее — научный сотрудник (1917–1919 гг.) и директор этого учреждения.

¹³⁴ Штейн С. Славянские поэты: Переводы и характеристики. СПб., 1908. 230 с.

¹³⁵ Један књижевни јубилеј // Народна просвета. Београд, 1935. Бр. 31. 3. фебруар.

Русская революция 1917 г. застаёт его на должности мэра Павловска. Большевики поджигают его дом, и он с семьёй бежит в Эстонию. С октября 1919 г. по май 1928 г. С. В. Штейн преподаёт славянские литературы в Юрьевском университете¹³⁶. Эстонский шовинизм, проблемы с защитой его докторской диссертации и финансовая афера сыграли решающую роль в жизни С. В. Штейна, и в мае 1928 г. он принял предложение редактора русской ежедневной газеты «Слово» в Риге переехать в Латвию. Там в 1930 г. он опубликовал свой монографический труд «Пушкин-мистик», там он вращался в кругах христиан-евангелистов, позднее — среди русских и латвийских баптистов, состоял редактором баптистского журнала «Гость».

Колеблющийся и разочарованный в этих религиозных движениях, в 1931 г. он переезжает в Белград и возвращается в лоно православной веры — ведёт продолжительные беседы с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), профессором-теологом Федором Ивановичем Титовым и др.¹³⁷ В сербском Народном университете им. Колараца и на русских трибунах он прочитал ряд лекций, в югославской периодической печати опубликовал статьи на литературные темы (газеты и журналы «Политика», «Время», «Утро», «Вестник торговли», «Национальная оборона», «Сербский литературный вестник», «Русский архив», «Адриатическая стража» и др.).

В 1933 г. Штейн переехал в Далмацию. Осень провел в изучении русских рукописей в черногорском Государственном архиве в Цетинье, куда ездил из Дубровника, в котором в тот период жизни проживала его семья.

В Дубровнике Сергей Владимирович принял окончательное решение — 12 марта 1934 г. он возвратился к вере своих предков; обряд совершится в католической часовне епархиального управления¹³⁸. С 1935 г. он значился профессором Высшей философско-теологической школы при Доминиканском ордене в Дубровнике, в которой преподаёт новые предметы: историю русской религиозной философии и русский язык.

Профессор Штейн проявлял интерес к истории и культуре Дубровника¹³⁹, сотрудничал в местной периодической печати¹⁴⁰. В апреле 1933 г. в Доминиканском монастыре он принимает участие в работе академии, посвященной памяти Св. Фомы Аквинского, читает лекцию «Св. Фома Аквинский и Россия»¹⁴¹; в 1937 г. в Хорватском академическом клубе в Дубровнике читает лекцию «Пушкин и южные славяне» (о личных знакомствах Пушкина и о влиянии сербско-хорватских народных песен на творчество поэта)¹⁴². На гастролях актрисы Марии Ведринской, состоявшихся в октябре 1938 г. в Русском клубе, С. В. Штейн прочитал одно свое стихотворение, а актриса читала стихи Йована Дучича в его переводе¹⁴³.

¹³⁶ Шор Т. Русские преподаватели в Тартуском университете // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике / под общ. ред. проф. С. Г. Исакова. СПб.; Тарту, 2001. С. 215.

¹³⁷ Štejn S.V. Moj put k Bogu: Vjerske uspomene. Zagreb, 1940.

¹³⁸ См.: Štejn S. Povest moga obraćanja sa pravoslavlja na katolicizam // Gospina krunica. Zagreb, 1940.

¹³⁹ Štejn S. Гроф Владислав Рагузински, руски поданик у Кини // Српски књижевни гласник. Београд, 1933. Бр. 3; Štejn S.V. Dubrovačka porodica Stuli u Rusiji // Narodna svijest. 1934. Br. 42. S. 2.

¹⁴⁰ Štejn S. Povijest jednoga kipa: O kipu Isusa u crkvi Sv. Vlaha u Dubrovniku, za koji autor pretpostavlja da je kopija iz Carskog Sela i da su oba kipa rad Johanna Heindricha Danneckera // Narodna svijest. 1936. Br. 40.

¹⁴¹ Dubrovnik, 1933. Br. 11. 17. april.

¹⁴² Лекция опубликована: Jugoslavenski list. Sarajevo, 1937. Br. 45.

¹⁴³ Dubrovnik, 1938. Br. 40. 8. oktobar; Br. 41. 15. oktobar.

В католических журналах Загреба, Сараево, Мостара, Макарской и Сплита С. В. Штейн опубликовал статьи, связанные с католичеством в России. Упомянем три из них. В первой, «Католичество в русских книгах: Библиографический обзор»¹⁴⁴, он делает обзор трудов по вопросам власти папы, юридическому статусу католицизма, по вопросам церковного права в его историческом развитии, по истории католицизма в России, отношению русских к католицизму, по вопросам слияния католической и православной церквей, об унии и др.

Во второй статье, «Достоевский и католичество»¹⁴⁵ ученый пишет: «Отрицательная позиция Достоевского к католичеству глубоко противоречит всему душевному тяготению и образу мышления этого великого ума... Это отношение связано у него с упреком Европе, казавшейся ему неким огромным кладбищем».

В статье «Пушкин и его отношение к религии и католичеству»¹⁴⁶, С. В. Штейн, великолепный знаток жизни и творчества поэта, подытоживает: «Где же скрываются общие причины отрицательного отношения Пушкина к католичеству?... Думаю, причина, прежде всего, в его безрелигиозности. Это его равнодушие к религии породила, с одной стороны, философия рационализма XVIII столетия, а с другой — современная ему эпикурейская литература, а также, с третьей стороны — политический либерализм, явившийся наследием недавно пережитой революционерной эпохи. Все эти влияния были настолько мощными, что им не был в состоянии противостоять даже тогдашний романтизм, с большим пиететом относящийся к католической вере».

Плодотворное сотрудничество молодого конвертита С. В. Штейна с загребским журналом «Духовная жизнь» состоялось в публикациях своеобразного цикла — около двадцати его биографических эссе о русских, которые в XVIII-XX вв. приняли католичество (философ Владимир Сергеевич Соловьев, князь Александр Михайлович Волконский, священник Алексей Евграфович Зерчанинов, княгиня Елизавета Григорьевна Волконская, священник граф Николай Алексеевич Толстой, Иван Александрович Дейблер, Михаил Дмитриевич Жеребцов, священник Евстафий Акимович Сусалев, Владимир Сергеевич Печерин, князь Иван Сергеевич Гагарин, князь Петр Владимирович Долгоруков...)

Профессор С. В. Штейн исследовал и связи философа Владимира Соловьева с хорватами¹⁴⁷; он был и лично знаком с ним¹⁴⁸. В Дубровнике к нему относились с большим уважением, в особенности среди католического духовенства. Юбилеи профессора Штейна — 35-летие (1935) и 40-летие (1940) его литературно-научной деятельности — отмечены в Дубровнике выходом в свет брошюры о нем¹⁴⁹ и статьями в нескольких югославских журналах. Библиотека Францисканского монастыря в Дубровнике хранит почти все его работы, опубликованные в Югославии.

Уже в 1935 г. С. В. Штейн имел подготовленные к печати крупные работы, которые, видимо, не были опубликованы: «Черногорский владыка Петр I в 1806 г.: Заметки о прошлом югославско-российских связей, по материалам Государственного архива в Цетинье»; «Дубровник и Россия» (исследования, проводимые в Архиве Дубровника);

¹⁴⁴ *Život. Zagreb*, 1936. Br. 8.

¹⁴⁵ Там же. 1938. Br. 1.

¹⁴⁶ Там же. 1939. Br. 1.

¹⁴⁷ *Štejn S. V. Solovjev i Hrvati // Duhovni život*. 1936. Br. 2.

¹⁴⁸ *Štejn S. V. Vladimir Solovjev: Isprekidane uspomene // Duhovni život*. 1941. Br. 1.

¹⁴⁹ *Sergej Vladimirovič Štejn: Njegov rad u korist jugoslavensko-ruskog zbližavanja o 35-godišnjici njegove naučno-književne djelatnosti (1900–1935)*. Dubrovnik, 1935. 21 str.

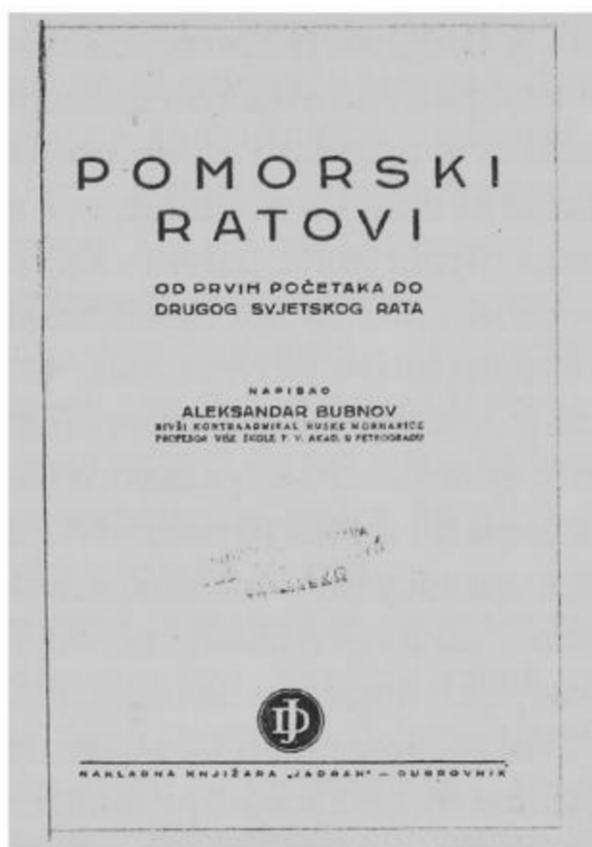
«Среди русских — друзей южных славян: Книга воспоминаний»; «Из истории мистики эпохи романтизма» и «Пушкин и его эпоха»¹⁵⁰.

В годы Второй мировой войны, во время оккупации Дубровника Италией и после освобождения страны следы Сергея Владимировича теряются. Последние годы жизни он провел в Западной Германии. Замкнулся многовековой круг исканий этой немецкой семьи: профессор С. В. Штейн скончался в Мюнхене, в 1955 г.

Контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов

«Из нашего выпуска 1903 г. (125 гардемарин Морского кадетского корпуса) устроиться по специальности удалось как будто только А. Д. Бубнову, преподающему военно-морские предметы в Морском училище в Югославии, и известному полярному исследователю Б. А. Вилькицкому, служащему по гидрографической части в Бельгийском Конго», — читаем в одном из эмигрантских русских морских журналов¹⁵¹.

И в самом деле, ученый с мировым именем, Александр Дмитриевич Бубнов (1883-1963) более двадцати лет прожил в Дубровнике и в Военно-морской академии преподавал морскую стратегию и историю морских битв. В 1940 г. в Дубровнике на хорватском языке был опубликован его капитальный труд «Морские войны, с начала до Второй мировой войны», в трех томах, на 1054 страницах.

Контр-адмирал А. Д. Бубнов и его капитальный труд «Морские войны». Дубровник, 1940.

А. Д. Бубнов состоял постоянным сотрудником русских периодических изданий «Зарубежный морской сборник» (Пльзень), «Морской журнал» (Прага), «Русский военный сборник» (Сараево) и др., в которых публиковал очерки, среди которых отметим следующие: «Результаты деятельности Российского Императорского Флота в Мировую войну», «Мысли о воссоздании русской морской вооруженной силы», «Очерки морской политики (Англия, Франция, Италия, Германия, Япония, СССР)», «Главные события морской политики в 1930 г. и их влияние на международные отношения». Его аналитические работы внимательно читали военно-морские стратеги мира, включая и книгу, написанную им в соавторстве с генералом Н. Н. Головиным «Тихоокеанская про-

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Морской журнал. Прага, 1933. № 66 (6). Июнь.

блема в XX веке» (1922; 2-е изд. 1924)¹⁵². О главах, написанных Бубновым («Морские вооруженные силы Америки и Японии в Тихом океане», «Стратегические условия морской войны на Тихом океане», «Соревнование Америки и Японии в западном бассейне Океана», и о других главах), американские комментаторы высказались как о «пророчествах» новой войны.

Вице-адмирал А. Д. Бубнов был участником Русско-японской войны, многолетним профессором Военно-морской академии в Петербурге и начальником Морского управления Штаба Верховного главнокомандующего в Первой мировой войне, специалист по вопросам морской стратегии. Однако, уважая неоспоримую научную эрудицию ученого, начиная с середины 1930-х гг. русские читатели его очерков и редакторы журналов упрекали А. Д. Бубнова в его невоздержанном германофильстве, яром антисемитизме, антимассонстве и антикоммунизме.

Статьи профессора свидетельствуют и о его публицистическом таланте: «Человечество, потрясенное катастрофическими последствиями мировой войны, «свернуло, — как образно выразился Уэльс, — свои шатры и двинулось в путь». Но в этот «путь исканий» двинулось на самом деле не все человечество, а лишь та его часть, которая, глубоко разочаровавшись в современной материалистической культуре и справедливо видя в ней начало всех своих бед, приступила к поискам новых жизненных, социальных и государственных идеалов. Другая же часть, сохранив в основе своего развития материалистическую идеологию, продолжала материально падать и в этой части человечества пример России показал, до каких глубин это падение может дойти, ибо большевизм есть ни что иное, как порождение крайнего материалистического мирозерцания. Культурное развитие в течение последних 15 лет этих двух частей человечества, основанное на противоположных мировоззрениях, привело в настоящее время к ясно выраженным результатам: часть, сохранившая материалистическое мировоззрение, олицетворяемое формами социал-демократического парламентаризма, спустилась ныне на пути своего морального падения до тех последних ступеней, кои привели к неслыханным по своим размерам и позору злодеяниям с участием в них высших представителей правосудия и «демократической» государственной власти; та же часть, которая двинулась по пути искания новых идеалов, достигла ныне, в формах гитлеризма и ему сродных, тех пределов всенародного творческого энтузиазма, кои свойственны лишь культурам, основанным на повышенной духовной идеологии»¹⁵³.

Бубнов отличался и предвидением европейских событий. В сентябре 1936 г. он писал: «Готовность Германии к войне, особо благоприятная для ее выступления военно-политическая обстановка и чрезвычайно важные политико-экономические причины, толкающие ее на Восток, определенно указывают на то, что наступательное движение Германии в этом направлении, — и при том в ближайшем времени — неминуемо. В какие формы выльется это движение и какие оно будет иметь последствия для России, сказать сейчас трудно; одно лишь ясно, что при осуществлении своих политико-экономических и идеологических стремлений Германия не будет руководствоваться какими бы то ни было симпатиями по отношению к России и к ее историческому прошлому. И если русский народ не сумеет свергнуть большевистскую власть и возродить национальную Россию прежде начала этого движения Германии на Восток,

¹⁵² Головин Г. Н., Бубнов А., адм. Тихоокеанская проблема в XX столетии / пер. с англ. Прага, 1924.

¹⁵³ Бубнов А. Д., к.-адм. Срок приближается // Морской журнал. 1934. № 78 (6). Июнь.

дорогой ценой придется ему заплатить за свое избавление от большевистского ига чужими руками»¹⁵⁴.

Во время оккупации Дубровника профессор, вероятно, политически не компрометировался, так как под конец войны не покинул страну. Переехав на постоянное жительство в Словению, где жили его сын Сергей, инженер-строитель, и дочь Елена, он продолжал писать и окончил свои мемуары, которые при жизни автора были опубликованы в США¹⁵⁵. Скончался А. Д. Бубнов 2 февраля 1963 г. в городе Крань.

Русские в крепости Ревелин, в 1930-1940-е гг.

О жизни русских в Дубровнике сегодня вспоминают их дети и внуки: Ольга Анатольевна Янушкевская-Яноши и Михаил Алексеевич Мацкевич, проживавшие в Дубровнике в 1934–1950 гг.

«В крепости Ревелин разместилась весьма разношерстная публика. Не интеллектуалы, т. к. элита жила за стенами города, весьма благополучно, в хорошо оборудованных домах, с хорошей мебелью, фарфоровой посудой и безделушками и ... каким-то чудом вывезенными из России иконами! Это были инженеры, люди с профессией. Жители же Ревелина принадлежали к сословию людей неизвестно откуда взявшихся, ноющих, цепляющих друг друга. Были и образованные, та же мадам Елизавета Отарова, заведующая богатой библиотекой. Маша Арсеньева — балерина, открывшая детскую балетную школу. С достоинством держалась мадам Лидия Баташова, не то внучка, не то родственница знаменитых Баташовых, владельцев фабрики самоваров в Туле. Ходила в черном, с палочкой, не кичилась своим происхождением. Изнар, дочь которых была замужем за неплохим скрипачом. Мадам Елизавета Михайловна Струве. Ну, а остальные — не хочется тревожить их тени — перебарщивали спиртными напитками. Ардалион Иванович Дроздовский якобы был полковником. Пантелеймон Григорьевич Люблинский жил в кабинке наискосок от нас. Ночью играл на скрипке, по-видимому, это была музыка Чайковского, скрипичный концерт. Бедняга, погиб от бомбы. Во время налета он оказался на базаре, у самого памятника поэту Ивану Гундуличу. Дубровчане кричали: «Скойся, беги!» — он не послушался. Бомба угодила в подножие памятника, убило его на месте!

До нашего приезда, в Ревелине разместили неимущих, инвалидов, которые получали пособие от Королевства Югославии. Вот таким образом там оказался и наш дедушка, Петр Михайлович Кузнецов, действительный статский советник, бывший заведующий канцелярией донского атамана Африкана Богаевского (и предыдущих атаманов) в Новочеркасске (с писателем Николаем Красновым вел переписку до самого начала Второй мировой войны). У него был туберкулез кости, нога не разгибалась, ходил на костылях. Дедушка никак не вписывался в общую картину, ни по образованию, ни по происхождению, о котором он никогда не высказывался вслух, но... как часто я слышала его фразу: «Боже мой, с кем только не приходится жить!»

Бабушка, Евдокия Михайловна, урожд. Маркова, дочь предводителя дворянства Донской области, ходила с прямой осанкой, учила меня манерам, не разрешала горбиться, на продажу цветов на рынке выходила походкой графини — сравнение не мое, а местных жителей. Была она предельно скромной, но, когда надо, ставила всех на место. За мужем ухаживала лучше всякой сиделки, дружила со всеми. Ее приглашали то на именины, то просто посидеть, полюбоваться ее ручными работами.

¹⁵⁴ Бубнов А. Д., к.-адм. Сроки приближаются // Морской журнал. 1936. № 106 (10). Октябрь.

¹⁵⁵ Бубнов А. Д., к.-адм. В Царской Ставке. New York, 1955.

Шереметько страдала психическим расстройством. Я тогда в первый раз в жизни увидела настоящую «сумасшедшую», но была она удивительно доброй. Как-то раз принесла нам, детям, пирожных с кремом. Счастье, что мама сразу заметила — прокисший крем мог нас отравить, и выбросила, строго запретив нам проговориться бедной Людмиле.

Упомяну мадам Пенисову, которая уже после нашего отъезда перешла на квартиру, затем продала ее женскому монастырю на Лападе, за полный пансион. Монашки успели истратить все деньги, пришлось ее кормить из своих доходов, а веселая, жизнерадостная Пенисова дожила чуть ли не до ста лет! В городе говорили, что она переживет всех.

Внутри Ревелина, в «чреве» его были построены картонные кабинки, стены которых не достигали потолка. В этих кабинках ютились супружеские пары, одинокие женщины, а большинство одиноких мужчин поселилось на верхнем этаже, которого не могло быть в XV в. Это было общежитие, подниматься туда можно было по темной лестнице, пристроенной к старой лестнице, ведущей на площадку. На площадке в темных огромных казармах жили Стреляев, мастер по столярному делу, а потом — семья Изнар. Зимой они жили внутри крепости. Маленькие ниши, предназначенные для пушек, были перекрыты самодельными дверями. В них ютились одиночки. Но вот, дедушке и бабушке пришлось жить вдвоем, так как дедушке предписали принимать солнечные ванны (он страдал и бронхиальной астмой, камнями в почках). Переехать в город у них не хватало средств. Бабушка делала искусственные цветы и продавала их на базаре. Мама с папой переехали к ним из Сербии в 1934 г., чтобы как-то им помочь. Папа, геодезист, мостил Страдун, мама одно время работала в гардеробной в кофейной «Градска кафана». От ночных смен разболелась. Доктор Чекалин запретил ей работать. Всю свою жизнь она посвятила семье, воспитанию детей.

Родителям уступили кабинку в два отделения, — двое детей! А на первых порах мы все вчетвером с родителями теснились в одной крошечной. Не помню, как мы там умещались. Причем, кабинки были без окон. В новой кабинке наше окно выходило на маленький «колодец» под площадкой. Помню, что дедушка с бабушкой уступили нам нишу на площадке, на месяц-два летнего времени. Родители умудрились создать нам уют, спали они на полу, а мы с Мишей на кроватях. Столик для занятий русским языком, он же буфет, за кроватью — игрушки. По стенам лазали ящерицы. Я обожала разглядывать «узоры» потолка, придумывала Мише разные сказки. В общем, мы жизнь воспринимали, как нечто обыденное: «а разве бывает иначе?!». Мы любили лежать по вечерам на раскаленных плитах площадки, уплетать картошку со сливочным маслом и слушать рассказы деда из области астрономии. Уже в раннем возрасте мы познакомились с созвездиями, солнечной системой, Вселенной. Дед был всесторонне образованным человеком, читал нам наизусть «Одиссею» и «Илиаду» в замечательном переводе Жуковского, а бабушка напевала нам «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю». Мама старалась прикрыть нищету бабушкиными ручными изделиями.

В крепости электричества не было. Мы читали при свете керосиновых ламп, отчего нам, детям, казалось, что так-то уютно. Подумаешь, электрический свет, великая важность! Готовили на примусе, а на площадке — на мангалке. Помню, мама как-то угорела от древесного угля. Воду в ведрах папа приносил из общей прачечной, но на площадку носить полные ведра вверх по лестнице два раза в день, да еще и помой выносить — думаю, было нелегко. Однако он и это занятие превращал в шутку, шел, приплясывая и напевая.

В кабинках по вечерам, когда гасли лампы и пахло керосином, становилось жутко. Я долго не засыпала. Мы с братом через картонную стенку перешептывались (я спала в

крошечном отделении одна, а родители с братом — в среднем помещении, именуемом «комнатой»), и засыпала только тогда, когда через темный коридор между кабинками шествовал после вечерней прогулки Стреляев, приветствуя Шеховцова восклицанием: «Адио, Коля!»... В этой кабинке зимой мы с братом забирались под стол и играли в игры, заимствованные из сказок. Причем, играть приходилось шепотом, мама умоляла не сердить старушек, которые шипели: «Не дают спать!» (после обеда). А как малолетним деткам играть шепотом? Однако, эти же «старушки» зазывали нас к себе, баловали, чем-то угощали. Ларионовы, жившие в «роскоши», то бышь в кабинке с окном, выходившем на вид моря, разрешали нам рассматривать вырезки из журналов, которыми были обклеены картонные стенки. У Востросаблиных было много ковров; мама не разрешала пересчитывать, сколько их. Жена Елена, красивая грузинка, темпераментная, шумная, веселая, открыла прачечную, и, стирая на нас всех постельное белье, по видимому, неплохо зарабатывала. Самые роскошные подарки мы получали от них.

Ну, а кровь всем портила некая дама, сухая, высохшая, как мумия, парализованная, с характером Баба-Яги. К несчастью, солнечные ванны она принимала на площадке в непосредственной близости от нашего деда. Он, лежа за простыней, которую, как укрытие, развешивала бабушка, вынужден был выслушивать ее ругань. Причем, возлежала она, в чем мать родила. А в кабинке весь день раздавалось ее брюзжание, сыпались замечания по поводу всех соседей. Управы не было на нее никакой, приходилось терпеть.

Все наше с Мишей детство прошло на площадке и в картонных кабинках с запахом... не только керосиновых ламп, и на кроватях, кишачих клопами и блохами.

Столовая, через которую следовало пройти, чтобы попасть во чрево с кабинками, была довольно просторная. Окно выходило на море с видом на остров Локрум. В ней обедали любители русской кухни мадам Изнар. В углу расположилась небольшая, но весьма богатая библиотека. В раннем детстве я стала завсегдатаем, под маминым надзором выбирала книжки. Мадам Отарова, заведующая, по вторникам и четвергам ждала свою самую юную читательницу. Рядом, за занавесом, была создана уютная часовня с копиями православных икон.

На Рождество устраивалась елка, богатая, настоящая. Стояла она в столовой. Под елкой были Дед-Мороз и Снегурочка — ручная работа. Когда мы ушли из Ревелина, то нам с Мишей их преподнесли в подарок, так как детей, кроме нас, не было. Куклу Таню, подарок мадам Ежовой, хранила все детство, а кольцо, серебряное с зелеными камушками, подарок Елены Востросаблиной, ношу до сих пор. Да, нас, детей, баловали, жалели.

В столовой устраивались и концерты, но это было в 30-е гг. Помню лишь выступление артистки Вербицкой. Она прочла монолог Наташи из «Войны и мира» и Тургеневские стихи «Как хороши, как свежи были розы». После этого незабываемого вечера я чуть не разболелась. Думается, что моя страсть к театральному искусству зародилась именно в тот вечер.

Что касается нашей семьи, все были верующими. Нас с братом перед двенадцатыми праздниками водили в сербскую православную церковь причащаться. Помню, как я старалась не грешить, то бишь не дразнить братишку, усердно помогать маме мыть посуду и не сердиться на папу, если услышу от него замечание. Дедушка был глубоко верующим. Рассказывал нам о Христе. Мама выписала из Белграда книгу «Моя первая Священная История». На ночь мама нас крестила. Этот чудный обычай я сохранила.

Родители воспитали нас в русском духе. Выписывали русские книги, учили русской истории, грамматике, географии, строго следили за правильной речью. (В Ревелине быстро забывали грамотную русскую речь и начали самым безбожным образом вставлять

исковерканные далматинские слова). В детстве Россия нам виделась, как лубочная картинка. Рвались, мечтали... Как-то, на мой вопрос, где же Россия, мама показала в сторону горы Срдж: «Вон там! На севере». Я решила, что стоит подняться на гору, перейти на тот склон, и мы окажемся на Родине.

Вот так и росли мы с Мишей, Федей Грибовским и Алеком Ежовым, русскими детьми на чужбине, в стране, в которой родились. Из моего поколения еще был мальчик, Женя Фармаковский (1928 г. рождения). Я его видела в сербской церкви. Мы не дружили семьями, но его родители, узнав, что есть еще русские дети в гимназии, начали снабжать нас учебниками сына, чтобы мы не тратились. Впоследствии эти учебники перешли Феде Грибовскому.

В войну мы спасались от воздушных бомбежек в кухне Ларионовых, под лестницей, ведущей на нашу террасу. Днем, при звуке сирены, означавшей тревогу, спускались в бомбоубежище под Ревелином, а после отбоя возвращались к бабушке до следующего налета. Вот, в этом убежище, с узким выходом наружу, я и заболела приступом клаустрофобии. Во время войны нас, детей, подкармливали семьи Грибовские (Никита Романович и Нина Валерьяновна — А.А.), Лермонтовы и Коваленко»¹⁵⁶.

Брат Ольги Анатольевны от второго брака их матери, Михаил Алексеевич Мацкевич, дополняет рассказ сестры:

«Нападение Германии на Россию (СССР) для родителей было ударом. В 1943 г. мой отец вступил в подпольную коммунистическую организацию в Дубровнике (пересылал карты заминированных немцами участков). Правда, никаких громких дел эта организация не совершила, но, тем не менее, вся семья рисковала жизнями. В 1945 г. отец вступил в компартию, а в 1946 г. он с матерью (Екатериной Петровной, урожд. Кузнецовой, в 1-м браке Янушевской. — А.А.) приняли советское гражданство и надеялись в скором времени вернуться в Россию. До 1950 г. отец работал директором городского водопровода в Дубровнике, и старожилы помнят его до сих пор с уважением. Но в 1948 г. произошли события, когда Советский Союз и его сателлиты ложно обвинили Югославию во всех смертных грехах, и родители стали на сторону СССР. Настолько у них была слепая вера в непогрешимость Сталина и его правительства! Конечно, югославские власти выяснили мнение родителей, и естественно, выслали из страны в соседнюю Венгрию. Помимо нашей семьи, выслан был доктор Алексей Чекалин, а Грибовских лишили работы и они, с разрешения властей, выехали в Канаду. В Венгрии мы прожили больше пяти лет и все надеялись на возвращение на родину. Это стало возможным только в 1955 г., после смерти Сталина. Поселились мы в Узбекистане, в Ташкенте. Там родители умерли, сначала отец, после мать»¹⁵⁷.

О последних днях русских, проживавших в крепости Ревелин, сообщает Ольга Анатольевна:

«После освобождения Дубровника партизанами, местные власти хотели «ревелинцев» перевезти в Мокошницу возле Дубровника, обеспечить им приют, с медицинской помощью, даже в церковь обещали возить. Короче говоря, высвободить их из выпущенного пристанища, но... можно понять пожилых людей, привыкших к «зидинам» (стенам) Дубровника, к центру, нисколько не испытывающих нужды в комфорте. Все жители крепости запротестовали, требовали оставить их в обжитом месте. И местные власти уступили. Возможно, что у них была задняя мысль: освободить крепость, ре-

¹⁵⁶ Письма О. А. Яноши к автору от 29 мая, 16 и 21 июня, 2 и 3 августа 2010 г.

¹⁵⁷ Письмо М. А. Мацкевича к автору от 28 мая 2010 г.

конструировать в первоначальном виде и превратить в туристический объект, — что и было сделано, когда престарелые жители успокоились¹⁵⁸.

Цавтат: Сестры Соловьевы на «Камне малом»

Старый дом, подпоясанный морем.
На одной стороне солнца восход,
На другой -его закат.
Всюду проникает его сиянье.
Мне хочется жить в доме на мысе,
Где луна со свитой облаков
Над морем парит (...)

(Оливера Топалович. *Апология любви*, 1984 г.)

В середине 1930-х гг. Ольга Михайловна Соловьева (1900–1974) прервала свою белградскую и мировую карьеру балерины и киноактрисы. На самом мысе Цавтата (бывшего Эпидавра, древнегреческого поселения на Адриатике, вблизи нынешнего Дубровника), на «Камне малом», она поселилась в просторном доме и обеспечила себе тихую гавань, для отдыха после продолжительных турне по Европе и по отдаленным континентам, про которые мы узнаем из печати того времени. Так, в октябре 1929 г. она приняла на своей белградской квартире одного сербского журналиста:

«Наша известная балерина, Ольга Соловьева только что возвратилась с успешных гастролей по странам Азии, Европы и Америки. В экзотически обставленном будуаре, украшенном египетскими рукоделиями, картинами и подушечками, китайскими вазами, шкурами зверей из американских дебрей, японскими и китайскими платьями, восточными костюмами, кашмирскими шальями и венецианскими кружевами, прелестная балерина приводит в порядок свой огромный гардероб, после большого путешествия. Налево и направо от оттоманки, на которой в художественном беспорядке разбросаны райские птицы, ленты и бусы, украшения для выступлений на сцене, красуются и две леопардовые шкуры, разостланные для игр Санни-боя — мартышки, привезенной с Тринидада, из Западной Индии. Очаровательная Соловьева, в прекрасном, словно сон, голубом японском кимоно, рассказывает радостные и печальные впечатления и перипетии с путешествия, продолжавшегося полных четыре года...

Если говорить о своем турне, довольно перечислить одни театры и балетные труппы, в которых я выступала... В Сантьяго, в Чили, я танцевала в Национальном театре и в Оперной труппе, с которой позднее совершила турне по всей стране. В Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро, в Опере Колонн, затем в Сан-Паулу, в Центральной Бразилии, — с Русским балетом, в Нью-Йорке и Филадельфии — в Балетной труппе Михаила Фокина, в Канаде — в Балете Михаила Мордкина, затем в Нью-Йорке и на турне по Соединенным Штатам с «Парамонт»-ом, — все это было удивительно...

Свой рассказ Соловьева дополняла показом фотографий — с Ниагары, Панамы, из джунглей, Голливуда, с Кубы, разворачивала рекламы, афиши. Неугомонный Санни-бой прыгал с оттоманки на кресла, на подоконник, на тигра или леопарда, на плечи и колени хозяйки, ласкаясь, словно ребенок. Прелестная балерина защищалась и обнимала его»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Письмо О. А. Яноши к автору от 14 июня 2010 г.

¹⁵⁹ З. Београдска балерина г-ца Олга Соловјева, по повратку са пута, прича о кинеским и америчким позориштима, о филмским звездама и Јужној Аерици // Време. Београд, 1929. 29 октобар.

О. М. Соловьева. «Автопортрет». Цавтат, 1950-е гг. Л. М. Соловьева-Ираклиди. Цавтат, 1986 г.

Помимо белградских выступлений, в 1929 г. Ольга Соловьева дала в сараевском Национальном театре вечер балета¹⁶⁰, в 1930 г. — в Нови-Саде, в 1931 г. — в Мариборе¹⁶¹. Вращалась она в самом центре белградского «бомонда». Журнал «Воскресные иллюстрации» в 1930 г. опубликовали фотографию группы масок в ресторане «Малый Калемегдан», среди которых сидит и «мадмуазель Ольга Соловьева, балерина, в оригинальном гавайском костюме, со своей мартышкой Санни-боем»¹⁶².

В 1931–1933 гг. Ольга Соловьева снималась в белградских кинокомедиях («бурлесках») режиссера Александра Черепова: «Несчастный Букки» (1931: Первая часть — «Несчастный Букки в аэропорте»; Вторая часть — «Несчастный Букки на каникулах») и «Авантюры доктора Гагича» (1933)¹⁶³.

Перед Второй мировой войной дом на «Камне малом» собирал художников и интеллигенцию дубровницкого региона и русских эмигрантов из разных регионов Югославии. Тут вели беседы, декламировали, пели, танцевали. Этот дом таит и мистерию — самоубийство, по причине безответной любви. После войны в этом доме нашли себе последний приют родители Ольги Михайловны: Михаил Алексеевич Соловьев (1874–1953), многолетний судья Областного суда в Нови-Саде, и Марина Васильевна (1875–1953), а позднее и старшая сестра, Лидия Михайловна, со своим мужем Владимиром Александровичем Ираклиди (1883–1951), юристом.

Вся эта русская семья одесситов не могла жить без искусства. Похоронив в Цавтате своих близких, сестры нашли себе новые увлечения. Года через два после внезапной кончины Ольги Михайловны, пресса отметила:

«Днем, в саду перед домом в Цавтате, просыхал глиняный бюст человека, не особенно интересного, но мощного. Резкие черты лица, сильный, широкий подбородок, как у людей отличающихся силой воли и властными убеждениями в значимости того,

¹⁶⁰ J. P. (Jovan Palavestra). Veče gđice Solovjeve // Večernja pošta. Sarajevo, 1929. Br. 2550.

¹⁶¹ K. P. (Karel Pahor). Baletni večer Olge Solovjeve // Mariborski večernjik «Jutra». Maribor, 1931. št. 16.

¹⁶² Недељне илустрације. Београд, 1930. Бр. 11.

¹⁶³ Volk P. Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986. S. 75, 87.

чем занимаются. Вечером же этот бюст, на этот раз живого человека, за «Стейнвей»-ем, в атриуме Княжеского дворца в Дубровнике, осыпали лепестки роз.

Человек с сильным подбородком и хрупкой душой — Святослав Рихтер. Руки, днем ваявшие его облик, а вечером на концерте осыпавшие его цветами, были руками Ольги Соловьевой. Ее имя уже мало у кого на устах, Это имя осталось лишь в архиве ежегодного фестиваля Дубровницких летних игр. Ольга Соловьева тогда уже была лишь бывшей актрисой, бывшей балериной, бывшим эмигрантом из Одессы, бывшая самая богатая и самая интересная женщина Цавтата.

Она так сильно полюбила Дубровницкий фестиваль, что завещала ему то последнее, что имела: уединенный дом на самом мысе Цавтата, на «Камне малом». Она хотела, чтобы дом стал приютом для отдыха людей, отдавших свои силы служению искусствам, — художникам, актерам, танцорам, скульпторам... Отслужившим пленникам муз.

В апогее славы, в 1930-е гг., Ольга Соловьева снималась в первом югославском звуковом кино, до и после того — в Голливуде. Было у нее много денег, можно было выбирать место где состариться. Острый мыс в конце полуострова в Цавтате напомнил ей родную Одессу. Тут она построила дом и, вместе с сестрой, Лидией Ираклиди, на закате своих дней угощала и Рихтера, и Ростроповича, и Хачатуряна, и многих других. Все они приезжали на «Камень малый», как в свою большую, теплую Одессу.

Ольга Соловьева скончалась на 74-м году жизни, в 1974 г., весной.

Год тому назад (в 1977 г. — А.А.), тоже весной, в канун своего 90-летия, в Дубровнике умер лучший современный дубровницкий историк искусства и художник, Коста Страйнич. С Ольгой Соловьевой он поддерживал искренние, глубокие, позднее — дружеские отношения, зарождающиеся здесь обыкновенно в долгие зимние ночи, за беседами об искусстве, когда сами по себе устанавливаются и взаимные симпатии между схожими широкими, славянскими душами.

Коста Страйнич научил Ольгу Соловьеву ваянию. Пробудил в ней талант и, как опытный педагог, постепенно возмещал ее страсть к балету страстью к живописи и ваянию. В долгие зимние ночи, будь то бушующая буря или оттепель, а чаще всего под дождевую барабанную дробь, они подолгу просиживали вместе и писали фантастические иконы.

А летом — любили Дубровницкий фестиваль...

Один на трибунах спектаклей только окончившегося Фестиваля в этом году остался милый старик, опрятный, с красиво подстриженной седой бородкой, Цвието Йоб. С блаженной улыбкой на устах, с полным пониманием, симпатиями, радуясь, что еще в состоянии радоваться, драме, музыке, молодежи, окружающей его. Этот красивый старик, в неглаженном, но чистом, всегда одном и том же летнем костюме из серо-маслинового тонкого полотна, при галстукке, повязанном по моде «того времени», — единственный выживший из трех, которым посвящаем этот сказ. Несколько десятилетий он был спутником Ольги и Кости, был завсегдаем Костиного ателье.

Он любил их. Сейчас на Летних играх остался один»¹⁶⁴.

Цвиетко Йоб обладал четырьмя докторатами, Коста Страйнич стал гражданином мира, творил в Вене, Мюнхене, Праге, Париже, Загребе, Белграде, Дубровнике (с 1927 г.), а Ольга Соловьева путешествовала по земному шару, изъяснялась на 12-ти языках. Со Святославом Рихтером, своим земляком, она путешествовала по Европе, со-

¹⁶⁴ Живковић Ј. Три верна друга, један жив: Белешка о жени и људима који нису имали много везе са Дубровачким летњим играма, мада ниједно од њих не би могло без фестивала, нити фестивал без њих // Политика. Београд, 1978. 3 септембар.

проводила его в турне и вводила в художественные сферы. Они дружили, постоянно переписывались¹⁶⁵.

А о ее сестре, Лидии Михайловне Ираклиди, белградская поэтесса Оливера Топалович в одной из своих книг записала: «На заходе солнца сидит на лестнице и наблюдает за его пурпурным закатом. Словно в кабине, отошедшая от мира (вокруг раздаются голоса) — поднимается на острые скалы, подобно рыбе из бушующих волн... Навеки погасла прежняя полнота жизни, осталось лишь превосходное купание — плывет до цели. Кажется ей, дальше уже не сможет, а все-таки доплывает до маяка. Ее замечают, поражаются красотой тела. На ней одни бусы и золотой платок — почти обнаженная купальщица погружается в объятия своего моря»¹⁶⁶.

И эта жизнь прожита бурно, интересно, содержательно. Приведем несколько ее высказываний, опубликованных в печати: «Родилась я 17 октября по новому стилю, 4 октября — по старому, 1893 года, в Кишиневе. Там в 1912 г. с золотой медалью окончила гимназию и переехала в Одессу, поступив на Высшие женские курсы, историческое отделение, и после четырех лет получила диплом Одесского университета. Все мои бумаги хранятся в Музее города Белграда, кое-что и в Дубровнике. Я изучала и языки, училась в консерватории. Сейчас трудно себе представить, что когда-то играла всего Шопена, почти все забыто... Отец мой был судьей, председателем Палаты в Одессе, мать не работала. Вышла я замуж в Одессе, за судью, Владимира Ираклиди, грека по происхождению. Мне шел тогда 26-й год, венчалась я в июле, а в январе 1920 г. мы бежали из России, в последнюю минуту»¹⁶⁷.

На вопрос корреспондента другой газеты: «При каких обстоятельствах вы приняли решение покинуть Россию и как вы сюда прибыли?», Лидия Михайловна рассказала: «С тех пор минуло 64 года... было мне тогда 27 лет — жила я в Одессе. А этот город переходил из рук в руки 18 раз: то к белым, то к красным, то украинцам, то немцам, то французам, грекам... Нам уже все это было невмоготу. Захватив с собой два чемодана, в 1920 г. муж и я направились в порт, где стояли на якоре английские пароходы, уже переполненные беженцами. Матросы уже сделали живую цепь, отгораживая тех, кто еще стремился проникнуть на борт. Благодаря моему знанию английского языка и привлекательной внешности — 64 года тому назад я довольно хорошо выглядела — нас пустили на пароход. Я думала, он плывет на Мальту и в Египет, а там нам сказали, что везут нас в Югославию, вернее — в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Я ужасно расстроилась — не видать мне пирамиды. Отправляемся в Сербию, а там одни холмы да козы. И прибыли мы в Скопье. Нас радушно встретили и повели в турецкие ночлеги. Помню, будто это было вчера — 15-е февраля, нас пять супружеских пар. Улеглись мы спать, и каждый из нас прячет свои сумки-портфели под подушку. При мне были документы, а у моего мужа золото и деньги. Нас разбудили уже в 6 часов утра — продолжить путь на Белград. Мы побежали к вокзалу, а я замечаю, у моего мужчины пустые руки. Спрашиваю: «Портфель где?» А он: «Я думал...» «А что ты думал?!» — Мы остановились посередине моста Царя Душана, я и смотрю: Шара-гора, вся под снегом... блестит... небо темносинее и сапфировое, цветет миндаль — целые облака розовые, мимо проходят женщины с чадрой, мужчины в фесках. Меня обуял хохот, говорю: «Сейчас, когда мы

¹⁶⁵ Письма С. Т. Рихтера и его бюст работы Ольги Соловьевой, Лидия Ираклиди подарила Музыкальному училищу в Дубровнике.

¹⁶⁶ Топаловић О. Ватромети сећања: Роман. Београд, 1986. С. 7.

¹⁶⁷ Sošić M. Stoljeće jedne ljubavi: Cavtat ima neobičnu stanovnicu, 98. godišnju Lydiu Iraklidi // Večernji list. Zagreb, 1991. 19 svibnja.

лишились всего, давай останемся здесь, насладимся этими красотами!» Прожили мы в Скопье три года. Я легко устроилась на работу, так как знала пять мировых языков. Служила я в банке, а муж — в библиотеке. Потом мы переехали в Белград.

С 1920 г. по 1926 г. я была корреспондентом на иностранных языках. Служила во французском банке, а затем по внешней торговле. Все спрашивали мою мать, удивляясь: «Как это у нее такое лицо — белое и нежное, без морщин?» Мать мне говорит: «Стара ты для канцелярийской работы, езжай в Париж!» Меня, как женщину с университетским образованием и некоторой культурой духа, долго убеждать не требовалось.

Уехала я в Париж и, владея языком, стала изучать косметику в одной школе, на протяжении шести месяцев, потом отправилась в Вену, затем в Берлин. А уже в 1927 г. открыла свой косметический салон в Белграде, в доме № 4 по тогдашней Франкопановой улице. Салон-то я открыла... да где найти клиентов?! Встречаю знакомого, и он спрашивает меня, почему я такая задумчивая. Я пожаловалась, а он в ответ: «Вы владеете английским и французским, мы в Министерстве финансов издаем «Revue Economique de Belgrade», вам стоит приходить до обеда и работать у нас». Я согласилась, и завтра же пришла, а в сумке принесла кремы, которые выучилась сама изготавливать. Я обходила канцелярии, заводила знакомства, продавала различные кремы и таким образом приобрела первых клиентов.

Долго я не знала имен своих клиенток. Они стеснялись и боялись. И впредь никогда я не принимала у себя дам одновременно, а внимательно следила, чтобы они не встретились в прихожей... Позднее, когда салон стал работать полным ходом, его навещали леди Кембль, жена английского посла; сеньора Мамелли, жена испанского посла; сеньора Картаньека... Не притрагивайтесь к лицу руками!

В 1931 г. ко мне пришли редакторы сербской газеты «Правда», фотографировали мой салон и предложили писать статьи. Потом явились и из редакции газеты «Время». На протяжении десяти лет, вплоть до 1941 г., еженедельно появлялась моя статья по косметике.

После войны наступили тяжелые времена. Непомерно высокие налоги, пришлось продать фортепиано и шубу... Еще позднее я переехала на жительство в Цавтат, в дом своей сестры, балерины. Она до войны танцевала в Южной Америке, привезла много долларов. В 1936 г. за квадратный метр этого участка с лесом мы платили всего 4 динара.

Помимо работы в салоне (у меня были четыре ассистентки), я и приготавливала кремы из натуральных веществ, все они прошли аттестацию Министерства здравоохранения. Ежегодно я навещала известных, мировых дерматологов, консультировалась с ними — в Париже, Вене... Присутствовала я при пластических операциях. Удивляюсь себе, как у меня хватило на все это энергии. До сих пор зимой я ежегодно отправляюсь в Сараево к мадам, которая наследовала мой салон. Там я продолжаю работать, и клиентки требуют именно меня. Находят, что у меня волшебные руки. Гляньте, какие они гибкие!... Мужчины ценят и уважают умных женщин, но любят красивых. Будьте умными — если надо, добрыми — если хотите, но непременно вы должны быть красивыми!»¹⁶⁸

Уже как эмансипированная девушка, будучи студенткой, в Одессе, красавица Лидия Михайловна вращалась в художественных кругах. Она была первой любовью Ва-

¹⁶⁸ Jovović R. Lidija Iraklidi, prvi YU kozmetičar // Reporter. Posebno izdanje: Žena 85. Beograd, 1984. Br. 3/84 (oktobar).

лентина Катаева, знакомой и моделью художника Евгения Буковецкого¹⁶⁹. любовью и вдохновительницей художника и писателя Петра Нилуса, которому послужила прототипом Лики Солнцевой в одном его романе. Была знакома с Иваном Буниным и многими другими.

Разбогатев в Белграде, несчастная в браке и любви, она сочиняла стихи, материально помогала русским поэтам, финансировала издания их сборников, ей они посвящали свои стихи. Она оказывала финансовую помощь Игорю Северянину, переписывалась с ним, прекрасно декламировала его стихи. Дружила с Богданом Поповичем¹⁷⁰, который любил слушать чтение ее собственных стихов. Одно интимное стихотворение посвящено ему:

Небо плакало холодными слезами
До зари упорно дождь шумел...
Я лежала тихо, с влажными глазами,
Думая про Ваш и мой удел.
Нас судьба столкнула слишком поздно,
В сердце пепел... холодно, темно...
Мы должны расстаться тихо и бесследно:
Чтобы не было ни больно, ни смешно¹⁷¹.

В дни оккупации Белграда ее с мужем арестовывает гестапо. Более трех месяцев Лидия Михайловна провела узником тюрьмы «Баница». Нам не известно, обосновано ли было сомнение оккупантов в ее сотрудничестве с Intelligence Service в 30-е гг. По свидетельству родственников, проживающих в Одессе, свою свободу она выкупила всеми своими сбережениями — золотом. Освобожденная в день Святой Параскевы Пятницы, с тех пор, хотя и русская, 27 октября она праздновала как «славу» (семейный праздник православных сербов, в честь святого-защитника своего рода). В этот день дом на «Камне малом» был полон гостей, во главе с православным священником, приплывавшим на катере из Дубровника.

В летние сезоны 1970–1980-х гг. в дом Лидии Михайловны ежедневно наведывались гости, туристы и знакомые из многих стран мира. Вечерние визиты и знакомства за чашкой чая или кофе со сладостями ходили на парижские, венские или лондонские салоны светских образованных дам XIX в. Тут велись беседы на английском, немецком, французском, на русском языках — об осквернении Bahnhof Strasse в Цюрихе, о том, что России не надо было стремиться стать колониальной страной, — она лишь расширяла свои границы, о статусе студентов и учебе в югославских университетах, о скандинавских странах и Европе, о молодом польском оперном певце (при прослушивании грамзаписи), об эстетике Гегеля, о денежной политике, о культуре и цивилизации Европы и Америки... Эти разговоры иногда велись одновременно, «по кулуарам», а Лидия Михайловна ловко подключалась к разговорам — с одного языкового пласта и темы переходила на другие.

И в послевоенный период она путешествовала, — плыла к своей приемной дочери Елене в Калифорнию, к родственникам в Одессу. (Почти ежегодно родственники

¹⁶⁹ Дом сестер Соловьевых на «Камне малом» украшало несколько работ этого известного художника-одессита, среди которых картины маслом большого формата: портреты Марины Васильевны Соловьевой и ее дочерей, Лилии и Ольги.

¹⁷⁰ Богдан Попович (1863–1944), выдающийся сербский литературовед и литературный критик, писатель, искусствовед, профессор Белградского университета, академик.

¹⁷¹ Приложение к письму Л. М. Ираклиди 1984 г. к автору.

на теплоходе, следовавшем рейсом Одесса-Венеция, приплывали в Дубровник.) Лидия Михайловна читала газеты, русскую мемуарную литературу, интересовалась астрономическими феноменами; парапсихологию считала наукой будущего. Ее волновала судьба дома на «Камне малом» после ее ухода, — будет ли соблюдаться воля дарительниц, сестер Соловьевых, станет ли он приютом состарившихся артистов¹⁷².

В последнем интервью, данном загребской «Вечерней газете», читаем: «Политика — опасная дама, — загадочно улыбаясь, заявляет госпожа Ираклиди. Однако ее все же интересует, как сегодня (в 1991 г. — А.А.) себя ведут Германия и Англия. Считают ли англичане себя и далее самыми умными, а немцы самыми сильными? Одно несомненно — высокомерны и одни, и другие... Долго я здесь засиделась. Да, тяжело нести сотню лет на плечах! Sic transit Gloria mundi... Я постоянно держу руку на пульсе, жду, когда он остановится... Меня раздражает вечный вопрос, хочется ли мне и далее жить. Но ведь организм больше не выдерживает!»¹⁷³

Еще при ее жизни на каменистой цавтатской почве была вырыта могила на православном участке кладбища Св. Георгия, рядом с ее родителями, супругом и сестрой.

По иронии судьбы последний, самый старый русский эмигрант дубровницкого региона скончался как «новый беженец». В годы военных бурь, в 1990-е гг., из бункера на «Камне малом» солдаты метали снаряды на Дубровник. Дом был превращен в военный пункт. Пожилую женщину друзья эвакуировали в черногорский город Херцег-Нови, а затем — в воеводинский город Апатин, на берега Дуная. Окруженная заботой и вниманием, Лидия Михайловна Ираклиди (1893-1995) тихо сомкнула там свои веки, на 102-м году жизни. Погребена на городском кладбище Апатина.

Русский некрополь в Дубровнике

Абрамов Валентин Осипович (1879, Владикавказ — 1943), преподаватель*

Абрамова, урожд. Коганская, в 1-м браке Мурузи Варвара Николаевна (1903–1979), вдова

Авраменко Петр (1896, Полтава — 1977), музыкант

Аккерманн Георгий Александрович (ок. 1890, Москва — 1922), поручик*

Аленчиков Хрисанф Иванович (1874, Селитренное, Астрахангельская губ. — 1958), моряк

Аленчикова, урожд. Байчук Александра (1888, СПб. — 1954)

Амвросий (Попов Вячеслав Андреевич, 1878, Курск — 1951), монах

Анисенков Иван Георгиевич (ок. 1881, Бегов, Тульская губ. — 1924)

Афанасьева, урожд. Краснопольская Людмила Михайловна (1896, Харьков — 1923)*

Балацкий Григорий (1893, Екатеринодар — 1970), пенсионер

Баташов Георгий Георгиевич (ок. 1866–1921)

Баташова Лидия (1878, Москва — 1944), вдова

Безкормилович Борис Дмитриевич (1876–1956), пенсионер

Беляев Владимир Васильевич (1868 или 1870, СПб. — 1945), инженер*

Беляева Клавдия (1895–?)*

Берескевич Ирина (1918, Саратов — 1921), ребенок

Бирюкович Владимир А. (1879–1942), инженер*

Бирюкович, урожд. Длусская Ольга П. (1884, Вильно — 1966), вдова инженера*

Богданов Борис Александрович (ок. 1871, Крым — 1922)

¹⁷² Дом сестер Соловьевых был продан богачу из Лондона.

¹⁷³ *Sošić M. Stoljeće jedne ljubavi...*

Бондаренко Мария Акимовна (ок. 1913–1923), ребенок
Бунин Петр Николаевич (1886, Житомир — 1958), ст. лейтенант, подполк.*
Васильев Михаил (1885, Киев — 1967), ветеринарный врач
Васильева, урожд. Брезанская Мария (1890, Киев — 1967), вдова врача
Война-Панченко Владимир Константинович (1877, СПб. — 1922), чиновник
Волокатын Иван Николаевич (ок. 1895, Златоуст — 1929), шофер, холост
Волчанецкая Валентина Ивановна (ок. 1894, Одесса — 1921)
Волчанецкая Мария Николаевна (1868, Херсон — 1937), вдова
Ворли Лидия (1888, Александровск — 1968)
Ворлов Павел Петрович (ок. 1874, Оренбург — 1923)
Воронова Евдокия (1878, Тьентсинь, Китай — 1966), вдова
Востросаблин Евгений Александрович (?–1946)*
Востросаблина Елена (1891, Ереван — 1962), вдова*
Всесвятский Петр Петрович (ок. 1847, Ярославль — 1924), ген.-майор
Выкрестова, урожд. Попова Елена (1894–1981)*
Гаевский Наполеон Дионисиевич (1877–1940)
Галифанова Наталия Ивановна (ок. 1889–1922), прислуга
Ганзен Алексей Васильевич (1876, Одесса — 1937), художник*
Ганзен Олимпиада Владимировна (1875, Киев — 1945), вдова художника*
Гизе Константин (1883, СПб. — 1968), чиновник на пенсии
Гизе, урожд. Пелипец Елена (1888, Москва — 1964), пенсионер*
Глаголев Адриан Сергеевич (ок. 1861–1921), генерал
Голиков Михаил Николаевич (1883, Харьков — 1938), инженер, женат
Гольц Петр Игнатьевич (1891, Ахтырск — 1953), пенсионер
Голяко Борис Степанович (1875, Черниговская губ. — 1922)
Григорьев Михаил (?–1980), пенсионер
Гусев Яков Сергеевич (1892, Машани, Калужская губ.-1963), зубной врач*
Гусева Надежда Николаевна (1895, Москва — 1975), зубной врач*
Дорофеев Евгений Игнатьевич (1907, Румча — 1983), пенсионер
Дроздовский Ардалион Иванович (1877–1942), холост
Дроздовский Николай Николаевич (1898, Чернигов — 1932), купец*
Ежов Александр (1937, Дубровник — 1981), инженер-геодезист*
Ежов Иосиф Васильевич (1895, ст. Слащевская — 1977), инженер-строитель*
Ежова Татьяна Владимировна (1909, СПб. — 1981, Германия), вдова*
Елисеев Иван (? , Киев — 1970)
Ермолаева Мария Филипповна (ок. 1893, Крым — 1923), вдова
Жигмановский Алексей Григорьевич (ок. 1854, Русаковка, Черниговская губ. — 1922)
Житинская, урожд. Попова Вера (1883, Екатеринбург — 1956), вдова
Житинский Игорь (1913, Елизаветград — 1964), чиновник*
Загнеев Николай Григорьевич (ок. 1866, Одесса — 1931)
Загнеева-Худеженская Эмма (1871, Одесса — 1967)
Замфиоров Владимир (1878, Ромны — 1970), пенсионер
Зинеон, урожд. Иванова Евгения Алексеевна (ок. 1895, Екатеринослав — 1921)
Змачинский Владимир Иванович (1925, Дубровник — 1925), младенец
Иванова Елена (ок. 1894, Москва — 1921), девица
Изнар Владимир Адольфович (1869, СПб. — 1944), вдовец
Изнар, урожд. Яковлева Татьяна Григорьевна (1881, СПб. — 1939)
Карпова Галина Феррапонтовна (1899, Бердянск — 1939)

Киреев Гавриил Максимович (ок. 1873, Осел, Ростово — 1923), ученик
 Киселев Владимир Диоскорович (ок. 1872, Харьков — 1930)
 Климович, урожд. Орлова Зинаида Викторовна (1876, Нежин, Черниговская губ. — 1943), жена полковника*
 Климович Максимилиан Феликсович (1881, Полтава — 1944), полковник, вдовец*
 Клоков Петр Васильевич (ок. 1872, Кишинев — 1922)
 Кнорринг Владимир Александрович (1867, Елизаветград — 1942)
 Коваленко Иван (1896, Екатеринодар — 1973), пенсионер
 Козенцов Сергей Николаевич (1881, Васильков — 1942), врач, вдовец*
 Козенцова, урожд. Михайлова Мария Михайловна (1880 или 1892, Москва — 1941), супруга врача*
 Колосовская, урожд. Колбасина Мария Константиновна (1894, Тифлис — 1934)
 Кононович Иосиф Казимирович (ок. 1863, СПб. — 1921), генерал*
 Корнаковский Георгий (1851–1936), генерал, вдов
 Котляров Николай Александрович (1897, Славянск — 1960), пенсионер
 Краснобаев Анатолий Васильевич (1900, Нижний Новгород — 1950, Мостар), техник
 Кровце Акулина (ок. 1905, Киев — 1923), прислуга
 Кругликова, урожд. Львова Лидия Николаевна (1892, СПб. — 1940)
 Кузнецов Петр Михайлович (1872, Новочеркасск — 1941), агроном
 Кузнецова, урожд. Маркова Евдокия Михайловна (1872, Новочеркасск — 1949), вдова
 Купфер Артур Федорович (1865, Гельсингфорс, Финляндия — 1940)
 Купфер Елена (1884, СПб. — 1942), вдова
 Лавлевич Георгий Карлович (1872, Ревель, Эстония — 1943), частный собственник
 Лазарев Елиазар (ок. 1897–1923)
 Ландшевский Михаил Александрович (?–1920, на борту крейсера «Орел», похоронен в Дубровнике), корабельный гардемарин
 Ларионов Василий Иванович (1877, Смоленск — 1960), пенсионер
 Ларионова Анна (1877–1956)*
 Лашкович, урожд. Кивистик (1893, Феллин, Эстония — 1976), вдова
 Лебедев Владимир (1911, Киев — 1940), преподаватель музыки, холост, похоронен в Белграде
 Лебедев Герман Бонифатиевич (ок. 1879, Тифлис-1922)
 Лермонтов Григорий Михайлович (1878, СПб. — 1949), полковник*
 Лесовский Павел (?–1934), врач 29-го пехотного полка в г. Требинье
 Лещенко Владимир Андреевич (1872, Майкоп, Екатеринославская губ. — 1932), генерал-майор*
 Лизунов Трофим (1902, Ростов — 1967), пенсионер
 Лисенко Драгутин Михайлович (1943, Дубровник — 1943), младенец
 Лисенко-Балан Михаил (1902, Бехц, Бессарабия — 1968), пенсионер
 Лобачев Павел Артемьевич (1874–1921), российский ген. консул на Балканах
 Ловичкина, зам. Пушара Татьяна (1900, Омск — 1961)
 Лунская Мария Александровна (ок. 1871, Москва — 1922)
 Люблинская Мария (1870, Кишинев — 1944), вдова
 Люблинский Борис Владимирович (ок. 1901, Херсонская губ. — 1927), шофер
 Люблинский Владимир (ок. 1864, Ананьев — 1929)
 Люблинский Пантеллеймон Григорьевич (1875, Новгород — 1944), рабочий, холост
 Мавропидис Константин Николаевич (1920, Батум — 1945), крестьянин
 Макаввеев Сергей Александрович (1875, СПб. — 1937), инженер, похоронен в г. Нови-Сад

Маленская Зинаида (1921, Дубровник — 1922), ребенок
 Михайлов Павел Ильич (1866, Екатеринослав — 1924), полковник
 Михайлова Елизавета Сергеевна (1871, Елизаветград — 1956)
 Михайлова Надежда (1864, Грозный — 1943)
 Монацков Иван Яковлевич (1890, ст. Старогригорьевская, Донская обл. — 1961), крестьянин
 Монацкова Елена Ивановна (1924, Дубровник — 1924), младенец
 Мурузи Михаил Константинович (1922, Москва — 1933)*
 Надеждин Владимир Константинович (1922, Сараево — 1941)
 Надеждин Павел Константинович (ок. 1924, Дубровник), младенец
 Наумова, зам. Балацки Елизавета (1893, Тирасполь — 1964), пенсионер
 Новикова, урожд. Пономарева Евгения Андреевна (? , СПб. — 1943)*
 Опенховская Варвара (ок. 1893)
 Орестов Александр Николаевич (1870, Варшава — 1923)
 Орлова, урожд. Куприна Анастасия Семеновна (ок. 1866–1925)
 Отарова Елизавета (1886, Одесса — 1942)
 Пенезов Владимир Васильевич (ок. 1882, Одесса — 1932), офицер, шофер
 Пенезова, урожд. Дворицкая Анна (1893–1979), вдова
 Петренко Сергей Павлович (ок. 1892, Искорост — 1924)
 Пивоваров Александр Даниилович (1897, Ростов — 1942), шофер
 Писаренко Дмитрий Степанович (? , Боргустон, Терская обл., Кавказ), полковник Терского казачьего войска, инвалид, женат
 Погосьян Павел Романович (? , Армения — 1943)
 Поливанова, урожд. Наумова Мария Александровна (1898, Симбирская губ. — 1921)
 Половцев Анатолий Викторович (1873, Ярославль — 1934), инженер, холост
 Поплавский Александр (1887, Тулчин, Украина — 1963)
 Поплавский Николай (1888, Киев — 1966), пенсионер*
 Попов Борис (1896, Новочеркасск — 1973, Загреб), инженер*
 Примак Федор Семенович (ок. 1893–1921)
 Прошукалов Виктор Михайлович (ок. 1893–1923), студент техники в Загребе
 Пуговкин Николай Николаевич (ок. 1868, Москва — 1926)
 Пушкарева Паула (ок. 1855, Москва — 1922)
 Ради Иван Иванович (ок. 1849, Одесса — 1925), купец
 Римский-Корсаков Владимир Петрович (?–1921), полковник л.-гв. Драгунского полка
 Рошлина Елена (ок. 1894, Москва-1922)
 Руадзе Владимир Павлович (?–1968)
 Руадзе Маргарита (1889, Донская обл. — 1942)
 Руадзе Сергей Владимирович (1914, СПб. — 1937), безработный, холост
 Сасин Иван Андреевич (ок. 1873, станица Троицкая, Кавказ — 1923)
 Сахарова, урожд. Никитина Мария Евдокимовна (ок. 1860, Севастополь — 1920)
 Свечин Петр (1900, Москва — 1976), пенсионер
 Севдакова, урожд. Изнар Ольга Владимировна (ок. 1904, СПб. — 1933)
 Семенов Николай Сергеевич (ок. 1894, Москва — 1931), техник
 Сергеев Андрей Иванович (1881, Моздок — 1959), пенсионер
 Сергеева Анна Симоновна (1869, СПб. — 1945), вдова
 Сиротин Александр (1929, Крагуевац — 1931), ребенок
 Скачевская, урожд. Фирсова Маргарита Павловна (ок. 1870, Конотопский уезд, Чернигоская губ. — 1922), вдова полковника

Свинкина, урожд. Кобякова Александра Александровна (? , Томск — 1924), вдова
 Слуцкая Капитолина (ок. 1839–1927), вдова
 Слюсарев Иван Яковлевич (ок. 1900, Харьков — 1929), шофер, холост
 Соколов Алексей Андреевич (1893, Москва — 1957), сапожник
 Соколов Аркадий (ок. 1882–1922), офицер
 Соколов Константин (1866, Двинск — 1961), вдов
 Соколова, урожд. Бахирова Ксения Михайловна (1886, Николаев, Украина — 1944)
 Соколовский Николай Игнатьевич (1902, Киев — 1942)
 Сохин Андрей (1895, Москва — 1971)
 Стреляев Павел (1888, Орел — 1970), преподаватель русского языка
 Стреха, урожд. Целецкая Валентина Владимировна (ок. 1886, Одесса — 1925)
 Стреха Владимир Николаевич (1874, Сумы, Харьк. губ. — 1937), полковник, вдов
 Струве Елизавета Владимировна (1880, Москва — 1950), вдова
 Струве Михаил (1874, Тифлис — 1942), купец
 Струтинская, зам. Попович Наталия (1890–1963), вдова художника*
 Сундстрем Борис Густавович (1881–1969)*
 Сундстрем Эмилия Юлиановна (1884, Владивосток — 1928)*
 Терентьева Шарлотта (ок. 1860, Лондон — 1941), вдова
 Терсков Георгий (1876–1944), вдов
 Ткач Анна Дионисиевна (1900, Сумы — 1971), вдова
 Токарев Михаил (1855, Астрахань — 1939, Трстено, близ Дубровника), врач, холост
 Толстой-Милославский, граф Сергей Сергеевич (ок. 1859, Казань — 1925), гофмейстер
 Двора, член Госуд. совета, казанский губернатор, предводитель дворянства
 Тумин Петр (1875, Кишинев — 1964)
 Тугорин Георгий (1898, Архангельское, Челябинск. обл. — 1967), пенсионер
 Фолькерт Адольф Петрович (ок. 1868, Владикавказ — 1923)
 Фомин Борис (1892, Ялта — 1972), пенсионер
 Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925), член Государственного совета и Государ-
 ственной думы (Председатель 3-го созыва), вдовец
 Хомякова, урожд. Дрошусова Наталия Александровна (ок. 1851–1923)*
 Христофидис Ольга Марковна (1919, Бердянск — 1921), ребенок
 Цицилин Иосиф (1892, ст. Успенская — 1969), холост
 Цыганков Валериан (1878, Кашин — 1958), вдов
 Черников Михаил Петрович (1885, Купежек, Харьковская губ. — 1932), коллежский
 асессор; псаломщик, регент церковного хора, преподаватель музыки, вдов
 Черногубов Александр Григорьевич (1880, Курск — 1959), полковник*
 Черногубова, урожд. Клементова Анна (1882, Москва — 1972), вдова полковника*
 Членова Надежда (1892, Херсон — 1962), вдова
 Шамостовская, урожд. Де ля Пере Юлия Фердинандовна (1858, Франция — 1938), вдова
 Шатов Вадим Юрьевич (1920, Россия — 1922), ребенок
 Шелудяков Александр Геннадиевич (1921, Дубровник — 1922), ребенок
 Шель Карл Яковлевич (1863, Одесса — 1923), купец*
 Шереметко, урожд. Седова Людмила Викторовна (1864, СПб. — 1941), вдова
 Шильдер-Шульднер Николай Юрьевич (ок. 1863–1923), губернатор
 Шугаевская, урожд. Сундстрем Ирина Борисовна (1912–1936)*
 Шуковић, урожд. Мирошникова Нина Яковлевна (ок. 1901, Елизаветград–1930)
 Шушлинкова Елизавета (1874, Москва — 1940), вдова
 Щербаков Даниил Даниилович (ок. 1869, станица Лабинская — 1924), вдовец

Щукина, урожд. Шатова Елизавета Михайловна (1898–1934), вдова
Этио Татьяна (ок. 1897–1923), замужняя
Ювашев Борис Константинович (1881, Брасово — 1939), горный инженер
Яковлев Иван Николаевич (1895, Киев — 1934), плотник
Янбих, урожд. Егорова Мария Дмитриевна (1892, Феодосия — 1945)*
Янбих Николай Климентович (1887, Киев — 1949), чиновник*

* В 1986 и 2005 гг. обнаружены надгробия на православном кладбище Бониново в Дубровнике.

Русский некрополь в Цавтате

В сентябре 1980 г. на кладбище Св. Георгия в Цавтате было всего двенадцать памятников с именами четырнадцати погребенных особ, среди которых восемь русских-эмигрантов:

Белозеров Николай Васильевич (1898, Орловская губ. — 1961), архитектор
Ираклии Владимир Александрович (1883, Одесса — 1951), юрист
Соловьев Михаил Алексеевич (1874, Одесса — 1950), юрист, судья
Соловьева, урожд. Дора Марина Васильевна (1875, Одесса — 1953), вдова
Соловьева Ольга Михайловна (1900, Одесса), балерина, киноактриса
Тридесский Владимир Юстинович (1858–1926), генерал
Яворская, урожд. Триполитова Земфира (?–1950)
Яворский Анатолий Кавасович (1899, Ашхабад — 1980).

SUMMARY

In article of Alexej Arseniev examines the history of Russian colonies in Serbia since XVIII centuries. Special attention is given to Russian emigration to Serbia after the 1917 revolution. The author looks at the contribution of Russians to the development of science, art and literature.